

ПОТОНУВШИЙ КОЛОКОЛ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

**Перевод
П. МЕЛКОВОЙ**

**Под редакцией
А. СМЕРНОВА и Ю. КОРНЕЕВА**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Генрих — литейщик колоколов.
Магда — его жена.
Их дети.
Соседка.
Пастор.
Учитель.
Цирюльник.
Старая Виттиха.
Раутенделейн — существо из мира фей.
Никельман — один из духов стихий.
Леший — лесной дух из рода фавнов.
Фей.
Лесные гномы.
- Место действия сказки — горы и деревня у подножья их.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Окруженная соснами поляна в горах. Слева, на заднем плане,— полускрытая нависшей скалой маленькая хижина. На переднем плане, справа, неподалеку от деревьев — старый колодец. На краю его сидит Раутенделейн. Раутенделейн — полурбенок, полудевушка, существо из мира фей. Она расчесывает свои густые рыжевато-золотистые волосы, отмахиваясь от пчелы, которая ей мешает.

Раутенделейн

Ты, пчелка золотая, здесь откуда?
Сластена, мастерица делать воск!
Ты, солнечная птичка, не мешай мне,
Лети отсюда. Видишь, я спешу;
Я бабушкиным гребнем золотым
Расчесываю волосы, а если
Она вернется и увидит это, —
Начнет меня бранить. Лети скорей!
Прочь, говорю; отстань же, улетай!
Ну что ты ищешь тут? Я не цветок,
Уста мои — не лепестки. Лети-ка
Через ручей, к лесной опушке, пчелка.
Там есть фиалки, примулы и крокус,
В них заберись — и пей до опьяенья.
Ну, право же, лети своей дорогой
К себе домой. Ты не в почете здесь;
Тебя не любит бабушка лесная
За то, что воск ты для церквей готовишь.
Ты поняла? Ну как тебе не стыдно? —
Эй ты, труба на бабушкиной кровле,
Пошли-ка мне дымку и прогони

Отсюда эту злючку! Гулле-гулле,
Прочь, дурочка, отстань же! Вулле-вулле,
Марш! Улетай!

Пчела улетает.

Ну, наконец-то!

*(Несколько мгновений спокойно расчесывает
волосы, затем перегибается через край колодца и
кричит.)*

Эй!..

Дед Водяной! — Он ничего не слышит.
Спою покуда песенку свою.

Откуда взялась я — не знаю,
И кто я — сказать не умею,
Быть может, я птичка лесная,
Быть может, я фея.
Цветы, наклоняясь, струят
В тенистом лесу аромат,
А знает ли кто на свете,
Откуда цветочки эти?
Порою неясной тоской
Встревожится сердца покой
И вдруг так захочется знать,
Кто были отец мой и мать...
Но, если нельзя, — и не надо,
Жизни я все-таки рада,
Ведь я хороша, златокудрая леса услада.

(Снова кричит в колодец.)

Гей, старый Водяной, иди наверх!
В лес бабушка за шишками пошла,
И мне так скучно!.. Поболтай со мной!
Ну, я прошу... А я сегодня ночью
Куницею в какой-нибудь курятник
Тихонько прокрадусь и для тебя
За это черненького петушка
Стащу. — Вот он идет! — Эй, Водяной!.. —
Плюх-плюх! Пыхтит, сопит... Вот поднялись
Серебряные пузырьки... Сейчас
Он выскочит и сразу разобьет

Зеркальный круг, откуда мне кивает,
Смеясь, изображение мое.

(Разговаривает со своим отражением в колодце.)

А, с добрым утром, дева из колодца!
Как звать тебя? Как? Раутенделейн?
Ты хочешь быть всех девушек красивей?
Да, говоришь? Я — Раутенделейн.
Что ты сказала? Указала пальцем
На грудки-близнецы свои? Смотри!
Не хороша ли я собой, как Фрейя?
Скажи, а разве волосы мои
Не сотканы из солнечных лучей?
И не горит ли золотым сияньем
Их отраженье яркое в воде?
Раскинула теперь передо мною
Ты огненную сеть своих волос,
Как будто ею собралась ловить
В воде глубокой рыбок? Вот ты как!
Лови же камень, глупая девчонка.
Что? Чванству твоему пришел конец?
А я какой была, такой останусь. —
Дед Водяной, иди сюда скорей,
Ну помоги мне время скоротать.
Вот он!

Из колодца по грудь поднимается Водяной.

Ха-ха-ха-ха! Ох и красавец!
Ведь вот зовешь тебя, а как увидишь,
Так по спине забегают мурашки.

Водяной

*(заросший волосами, насквозь мокрый, долго
отфыркивается, как тюлень. Жмурится, пока не
привыкает к дневному свету).*

Брекекекекс.

Раутенделейн
(передразнивая его)

Вот-вот, брекекекекс!
Ты удивился, что весной пахнет?
Любая ящерица это знает,

Козьявка, муха, выдра и форель,
Крот, перепел и крыса водяная,
И ястреб в воздухе, и заяц в поле,
Не знаешь только ты.

Водяной
(злится и надывается).
Брекекекекс!

Раутенделейн
А ты все спишь и ничего не видишь?

Водяной
Брекекекекс, не смей дерзить! Ты слышишь?
Ах, пигалица, чибис желторотый,
Цыпленок мокрый, скорлупа пустая,
Ты вздорная девчонка, вот кто! Квак!
Кворакс, я говорю тебе, квак, квак!

Раутенделейн
Если угодно дедушке злиться,
Я убегу в хороводе кружиться,
Друзей отыскать я сумею всегда,
Я ведь красива, мила, молода.
(Оживленно.)
Эйя! Юхейя! Мила, молода.

Леший
(за сценой)
Холдриохо!

Раутенделейн
Эй, Леший, подойди, станцуй со мной!

На поляну, смешно подпрыгивая, выскакивает Леший с козлиными ногами и козлиной бородой, рогатый лесной дух.

Леший
Я в танцах не силен, зато скакать
Могу получше горного козла.
Не нравится?
(Похотливо.)
Попрыгаем иначе!

Пойдем в кусты со мною, крошка-фея,
И там, у ивы старой и дуплистой,
Где не слышны ни пенья петуха,
Ни шум ручья, тебе я поиграю
На дудочке волшебной, что заставит
Любого в пляс пуститься.

Р а у т е н д е л е й н

Я? С тобой?

Козлоногий ты! Косматый!
Брысь к жене своей мохнатой!
Мне, прекрасной и невинной,
Гадок запах твой козлиный.
К Лешачихе марш своей,
Пусть плодит тебе детей
Каждый день, а в воскресенье
Тройню всем на удивленье, —
В неделю получится девять подряд,
Девять грязных, безобразных лешенят!
Ха-ха-ха!

(Смеется и убегает в хижину.)

В о д я н о й

Брекекекекс, какая баловница!
Ах, чтоб тебя!

Л е ш и й

(бросившийся было за девушкой, останавливается)

К рукам ее прибрать бы...

*(Выцматывает короткую трубку и зажигает ее, чиркнув
серной спичкой о копыто.)*

Пауза.

В о д я н о й

Ну, как дела?

Л е ш и й

Да так себе, никак!
Внизу у вас теплынь да благодать,
А наверху у нас гуляет ветер;

Разбухшие ползут по скалам тучи
И воду, знай, пускают под себя,
Как выжатая губка. Просто свинство!

Водяной

А что еще у тебя за вести?

Леший

Успел шавеля уже нынче поесть я.
Утром вышел на часок из дому,
Побрел к лесу большому,
Спустился вниз по скале крутой,
А там, куда ни кинешь взгляд,
Землю роют и камни дробят.
Настоящий разбой!
А мне так в большую досаду прямо
Видеть, как строят часовни да храмы,
Да слышать, как колокола завывают...

Водяной

...В то время как хлеб вином запивают.

Леший

Что уж вздыхать? Будь терпеливым.
Новую штуку там над обрывом
Люди сумели соорудить —
Стрельчатые окна, башни, купола,
А сверху крест — вот какие дела!
Не моя бы прыть,
Замучил бы всех вас теперь
Своим звоном колокол-зверь;
Висеть бы ему высоко, всем напоказ,
Но нет — он потонул и в озере увяз.
Трах-бах! Чертовская вышла забава!
Забрел я туда, где погуще травы,
Стою, опершись на сосновый пенек,
Гляжу на церковь, жую шавеля стебелек,
Озираюсь, думаю: поесть чего б?
Вдруг — хлоп!
Завертелся на камне передо мной
Мотылек ярко-красный, как шальной.

Вижу, бедняга какой-то странный,
Вьется, качается будто пьяный.
Зову его; взлетает он с трудом,
Садится на руку мою,
И в нем я сразу эльфа узнаю!
Потолковали мы с ним о том, о сем,
Что пришла пора опять
Лягушкам икру метать,
Ну и о всяком другом стали болтать,
Уж и не помню сейчас, о чем;
Но только он горько заплакал потом.
Я его утешал, как мог,
И рассказал мне тогда мотылек:
Мол, лезет вверх из долины повозка большая,
Люди орут, лошадей кнутом угощая,
Везут то ль железную бочку, то ль что-то такое
Совсем другое,
Смотреть даже страшно. Мол, этой затеи
Боятся до смерти эльфы и феи,
А люди хотят эту штуку — вот беда-то —
Повесить на колокольне проклятой
И чугунным языком каждый день в нее бить,
Чтобы нас, добрых духов лесных, погубить.
Сказал я: «Эге...». Сказал я: «Смотри...».
Слетел мой эльф на землю, я же — шашть
В стадо коз; молока там напилсь всласть,
Выдул подряд ведра этак три
И подумал: «Ого-го!
После меня хозяйка не выдоит ничего».
Потом махнул я к парому скорей,
Где переправляют лошадей и людей.
«Худо! — думаю. — Но наберись терпенья»,
И вслед им пополз через кусты и каменья.
Восемь кляч фыркали, храпели,
Колокол-чудище везли еле-еле,
Ноги тряслись у них, раздувались бока,
Нет-нет да и встанут передохнуть слегка.
Смекнул я — не выдержать телеге простой
Тяжести страшной такой,
И, видя, что везти им уже невмочь,
Решил я на свой лешачий лад помочь,

До таких забав я охоч!
Как схвачу колесо — треснула спица,
Пошатнулся колокол и стал валиться.
Еще рывок, еще толчок — и вмиг
Он вверх тормашками в озеро прыг!
Ого-го!.. Ты бы послушал, поглядел,
Как он подпрыгивал да гудел!
Со звоном и гулом чугунный мяч
С камня на камень несся вскачь,
Блеснула и скрыла его вода,
Пусть там, внизу, и лежит он всегда!

Во время рассказа Лешего начинает смеркаться. Незадолго до конца рассказа несколько раз раздавались заглушенные крики о помощи. Появляется измученный Генрих, с трудом пробирается к хижине. Леш и й тотчас же исчезает в лесу, Водяной опускается в колодец. Генриху лет тридцать, он литейщик колоколов; у него бледное, печальное лицо.

Г е н р и х

Эй, кто там! Люди добрые! Откройте!
Я заблудился, в пропасть я сорвался!
На помощь! Ах... я больше... не могу.

(Без чувств падает на траву неподалеку от хижины.)

Пурпурные облака плывут над горами. Солнце заходит. Над поляной веет прохладный ночной ветерок. Старая Виттиха с коробом за плечами, ковыляя, выходит из леса. У нее седая непокрытая голова. Лицом она скорее походит на мужчину, чем на женщину. Подбородок оброс пушком.

В и т т и х а

Рутандля! Где ты? Помоги тащить,
Уж больно тяжело. Рутандля, ну же!
Нет сил моих! Куда ж девчонка делась?

Пролетает летучая мышь.

Эй, мышь-летучка, ты куда спешишь?
Еще успеешь зоб набить. А ну-ка,
Влети в оконце — нет ли где девчонки,
Скажи, пускай сейчас бежит ко мне.
Ох и гроза идет!

(Грозит небу, на котором сверкают дальние зарницы.)

Эй ты, полегче!

Попридержи своих козлят в закутѣ
И красною своею бородой
Не очень-то тряси. — Эй, слышь, Рутандля!

(Обращается к прыгнувшей через тропинку белке.)

Стой, белочка, на-ка тебе орех,
Ты бегаешь ловко, проворней всех,
Покличь-ка Рутандлю, пускай придет,
Скажи девчонке — мол, бабка зовет.

(Натыкается на Генриха.)

А это что еще? — Ты кто такой?
Ну, говори скорей, чего разлегся?
Эй, ты! — Да он не слышит ничего!
Он помер, что ли? — Парень!.. — Вот беда!
И так от пастора да бургомистра
Житья мне нет, а тут напасть такая!
Меня и то загнали как собаку,
А ежели найдут здесь мертвеца,
Тогда и вовсе с хижинной прощайся,
Спалят, как щепку. — Поднимайся, ну же! —
Не слышит! — Ну!..

Раутенделейн выходит из хижины и недоумевающе оглядывается.

Явилась наконец!

У нас тут гость, гляди-ка, да какой!
И тихий он и смирный. Ты возьми
Охапку сена, постели ему.

Раутенделейн

Где, в хижине?

Виттиха

Нет, слишком жирно будет!
Чего ему по горницам валяться?

(Уходит в хижину.)

Раутенделейн, на минуту забежавшая в дом, появляется с охапкой сена. Она опускается на колени возле Генриха, и в это мгновение он открывает глаза.

Генрих

Где я? Скажи мне, милое дитя.

Раутенделейн
В горах!

Генрих
В горах... Но как сюда попал я?

Раутенделейн
Сама не знаю, милый незнакомец,
Не надо беспокоиться об этом,
Вот сено, мох, приляг и отдохни,
Тебе сейчас покой необходим.

Генрих
Да-да... Покой мне нужен... ты права.
Но мой покой далек. Ах, как далек...
(Тревожно.)
Я знать хотел бы, что со мной случилось!

Раутенделейн
Когда б сама я знала!

Генрих
Я... я думал...
Мне кажется, что это все во сне,
Конечно, вижу сон...

Раутенделейн
Вот молоко,
Возьми и выпей, ты совсем без сил.

Генрих
(поспешно)
Да, пить... я выпью. Дай... что у тебя там...
(Пьет из кружки, которую она поддерживает.)

Раутенделейн
Я думаю, ты не привык к горам.
Ты, верно, из породы тех людишек,
Которые ютятся там, в долине,

Зашел ты в горы слишком высоко.
Вот и один охотник ваш недавно
Гонялся здесь за дикою козой,
Упал с утеса и разбился насмерть.
Но, кажется мне, был он человек
Совсем другой, а не такой, как ты.

Г е н р и х

*(кончив пить, пристально, с восторженным удивлением
смотрит на Раутенделейн)*

О, говори! О, говори еще!
Напиток сладок твой, но речи слаще...
(Снова откидывается.)
Он был другой, сильней меня и лучше,
И все-таки упал. О, говори!..

Р а у т е н д е л е й н

Ну что тебе в моих речах! Пойду
Воды в колодце свежей зачерпну
Да смою кровь и пыль...

Г е н р и х

(умоляюще)

Нет-нет, останься!

Раутенделейн, которую он крепко держит за руку, останавливается
в нерешительности.

И взором на меня смотри своим,
Загадки полным. Отражен весь мир
В твоих очах — и синева небес,
И облака летучие, и горы;
И вот уж снова мир манит меня.
Останься же со мною.

Р а у т е н д е л е й н

(тревожно)

Ну, как хочешь,

Но я...

Г е н р и х

(лихорадочно умоляя)

Останься здесь. Не уходи!
Не знаешь ты, чем для меня ты стала,

О не буди меня! Хочу сказать...
Как я упал... Нет, говори сама,
Божественный небесно-чистый голос
Хочу я слушать твой. О говори...
Ну, что молчишь? Зачем ты не поешь?
Да, я упал... Об этом уж сказал я...
Не знаю, что со мной произошло —
Тропинка ли исчезла под ногами?
Нарочно ли, случайно ль оступился?
Короче — я упал, а вслед за мною
Летели в пропасть камни, пыль и дерн.
Я, падая, успел рукой схватиться
За деревцо вишневое, — ты знаешь,
Там вишня в трещине скалы росла, —
Но обломился ствол, и я понесся
Куда-то в бездну, вниз, держа в руке
Покрытое цветами деревцо,
И, нежными осыпан лепестками,
Я умер. Умер... И сейчас я мертв...
Скажи, чтоб не будил меня никто.

Раутенделейн

(неуверенно)

Мне кажется... по-моему, ты жив.

Генрих

Я знаю... знаю. Но до сей минуты
Не знал, что жизнь есть смерть, а смерть есть
жизнь.

(Теряя силы.)

Да, я упал. И колокол упал.
Упали вместе мы, и я и он.
Я ль раньше? Он за мной ли?.. Может быть,
Наоборот? Кто знает? Нет, никто!
А коль узнают, — мне уж все равно.
То было в жизни, — а теперь я мертв.

(Мягко.)

Будь тут! Моя рука... еще бледна,
Как молоко... И словно из свинца...
Едва-едва поднять ее могу я,
Но мягкая волна твоих волос
Скользит по ней с такою нежной лаской...

Как ты прекрасна... Нет, не уходи,
Моя рука чиста... а ты святая.
Тебя уже я видел... Только где?..
Боролся я, служил тебе... Когда?
В медь колокола влить хотел твой голос
И сплавить с золотым дневным лучом,
Но мне не удалось мое творенье,
И плакал я кровавыми слезами.

Раутенделейн

Ты плакал? Что это? Не понимаю...
А что такое слезы?

Генрих

(пытаясь приподняться)

Помоги

Мне приподняться, милое виденье.
Склонилась ты ко мне? Так подними
Меня своею ласковой рукой,
Приподними с земли холодной, твердой,
Я пригвожден к ней словно бы к кресту,
Освободи меня! Ты можешь, можешь...
Как тяжело... Освободи меня
Руками нежными... Венец терновый
Оплел мой лоб! Не нужно мне короны!
Любви одной хочу! Любви...

(Ему удается приподняться. Устало.)

Вот так.

Благодарю тебя... Мне хорошо...
Красиво здесь... И странный шум вокруг,
И ели руки темные свои
Загадочно простерли надо мной,
Торжественно кивая головами.
Да, сказка! Сказка веет здесь в лесу,
Она шуршит и шепчет, шелестит
Листочками, поет в лесной траве,
Идет сюда в туманном одеянье,
И стелется за нею белый след,
Все ближе... ближе... вот простерла руку,
Притронулась ко мне прозрачным пальцем,
Коснулась уха... языка... очей...

И вот исчезла вдруг... а ты... ты здесь.
Ты сказка! Сказка, поцелуй меня!

(Теряет сознание.)

Раутенделейн
(про себя)

Мне не понять... Ты говоришь так странно
(Внезапно решив уйти.)

Усни здесь!

Генрих
(в забытьи)

Сказка, поцелуй меня!

Раутенделейн
*(останавливается, удивленная, и смотрит на него
Внезапно кричит в ужасе и отчаянии)*
Ах, бабушка!

Виттиха
(из хижины)
Ну что?

Раутенделейн
Иди сюда!

Виттиха
Сама иди сюда. Раздуй-ка печку.

Раутенделейн
Ну, бабушка!

Виттиха
(не показываясь)
Поди сюда скорей.
Козу кормить мне надо и доить.

Раутенделейн
Ах, бабушка! Да помоги ему!
Он умирает, бабушка!

Виттиха

(появляется на пороге хижины; в одной руке у нее кувшин с молоком, другой она манит кошку)

Кис-кис!

(Смотрит на лежащего Генриха.)

Ну что еще тут за беда стряслась?
На то он и отродье человека,
Чтоб помереть. Иначе быть не может.
Оставь его. Ничем тут не поможешь.
Кис-кис, сюда, вот молочко тебе...
Куда запропастилась эта кошка?
Гулле-гулле-гулле, народец лесной,
Кувшин молока принесла я с собой.
Гулле-гулле-гулле, человечки,
Есть свежий хлебец — только из печки.
Попить, поесть, покусать, поглотать,
Такая еда и графам под стать.

Около десятка забавных лесных гномов поспешно выбегают из леса и набрасываются на миску с молоком.

Эй ты, кыш!
Стой, шалишь!
Тебе глоток,
Тебе кусок,
Не лезь в горшок!
Ну что за гам!
Цыц, вот я вам!
Озорники, баловники,
Полегче, вы, — ведь всем дано!
Но-но!
Эх вы, людишки, людишки,
Набили свои животишки?
Ну, марш кругом, по домам бегом!

Гномы с той же поспешностью исчезают в лесу. Взошла луна. На скале над хижинкой показывается Леший. Приложив руки ко рту, наподобие трубы, он кричит, подражая эху.

Леший

На помощь!.. Помогите!

В и т т и х а
Что еще там?

Вдали в лесу раздаются крики.

Г о л о с а

Эй, Генрих! Генрих!

Л е ш и й
(так же)

Помогите, люди!

В и т т и х а

(грозит Лешему кулаком)

Не дурачься, не шуми ты,
Рад проказить над людьми-то:
То им посуду перебьешь,
То собачонку вгонишь в дрожь,
То работника заведешь в трясину,
Чтобы он поломал себе ноги да спину.

Л е ш и й

Бабка, береги ты свои кости!
Знатные к тебе жалуют гости!
Кого тебе гусь несет на крыльях?
Цирюльника в хлопьях мыльных.
А кто у гуся на шейке?
Школьный учитель с линейкой.
Да пастора с крестом несет он сюда,
Все трое — молодцы хоть куда!

Г о л о с а

(приближаясь)

Эй, Генрих!

Л е ш и й
Помогите!

В и т т и х а

Провались ты!

Накликал мне учителя на шею,
Да и попа в придачу.

(Грозит Лешему кулаком.)

Ну, стой,
Попомнишь ты меня! Вот напущу
Я оводов да лютых комаров,
Ужо начнут тебя кусать, да так,
Что ты от боли взвоешь.

Леший

(исчезая, злорадно)

Вот, идут!

(Убегает.)

Виттиха

И пусть, подумаешь! А мне-то что?

*(Обращается к Раутенделейн, которая продолжает
смотреть на Генриха.)*

Идем-ка в дом. Гаси огонь! Быстрее!
Мы спим.

Раутенделейн

Я не хочу.

Виттиха

Не хочешь?

Раутенделейн

Нет!

Виттиха

С чего бы так?

Раутенделейн

Они его возьмут.

Виттиха

И что же из того?

Раутенделейн

Пусть не берут.

В и т т и х а

Ну хватит, хватит, девочка, идем.
Оставь беднягу этого лежать.
Пусть что хотят с ним делают они,
Он смертный — смертным и отдай его.
Ведь все равно он должен умереть.
Так пусть умрет, ему же легче будет,
Ты видишь, как он мучится, — душа
И бьется в нем и рвется.

Г е н р и х

(в забыты)

Солнце скрылось!

В и т т и х а

Дурак, да он и солнца не видал-то. —
Идем, пускай лежит! Так будет лучше!
(Уходит в дом.)

Раутенделейн, оставшись одна, прислушивается. Снова слышатся крики: «Генрих! Генрих!»

Р а у т е н д е л е й н

(поспешно ломает ветку в цвету и чертит ею вокруг Генриха, приговаривая)

Ветку вешнюю держу,
Круг волшебный обвожу,
Помня бабушкин урок,
Повторяю свой зарок:
Милый путник, здесь лежи,
Мне одной принадлежи;
Недоступен стань, мой круг,
Ты для всех людей вокруг,
Для девиц, мужчин, юнцов,
Для детей и стариков.

Из леса один за другим появляются Пастор, Цирюльник и Школьный учитель.

П а с т о р

Я вижу свет.

Учитель
И я.

Пастор
Но где же мы?

Цирюльник
Лишь богу одному известно это.
Вы слышите, опять кричат: «На помощь!»

Пастор
То мастер наш.

Учитель
Не слышу ничего.

Цирюльник
Оттуда, сверху раздавался крик!

Учитель
Так быть могло бы только, если б люди
На небо падали. Но, мне сдается,
Что падают как раз наоборот,
С горы в долину — не с долины в гору.
Лежит наш мастер, я могу поклясться,
Пониже сажень на пятьдесят,
Но уж никак не наверху.

Цирюльник
Фу, черт!
Да неужель не слышите вы криков?
Коль не кричал сейчас наш мастер Генрих,
Готов я Рюбецалю самому
Сбрить бороду! Да это так же верно,
Как то, что ремесло свое я знаю.
Вы слышите, опять кричат?

Учитель
Но где?

П а с т о р

Узнать хочу я прежде, господа,
Где мы находимся. Я весь в крови,
Едва тащусь, болят ужасно ноги...
Я двигаться не в силах!

Г о л о с

Помогите!

П а с т о р

Опять кричат!

Ц и р ю л ь н и к

И где-то очень близко!
Пожалуй, в десяти шагах, не дальше.

П а с т о р

(в изнеможении садится)

Меня как будто бы колесовали.
Друзья, я больше не могу идти,
Оставьте здесь меня вы, ради бога.
Хотите, бейте хоть до синяков,
Но с места я не сдвинусь ни за что,
Я больше не могу. Подумать только,
Такой прекрасный, светлый божий праздник
Так кончился! О, праведное небо!..
И колокол, в котором мастер наш
Дал образец высокого искусства
И благочестье показал свое!..
Пути господни неисповедимы
И удивительны!

Ц и р ю л ь н и к

Хотели вы

Узнать, где мы находимся сейчас?
Так вот, я добрый вам даю совет —
Спешите прочь отсюда поскорей.
Да лучше голым проторчу всю ночь я
В гнезде осинном, чем на этом месте,
Ведь вышли мы к Серебряному скату!

Помилуй бог, мы в нескольких шагах
Стоим от хижины колдуньи старой,
Проклятой Виттихи! Бежим отсюда!

П а с т о р

Я не могу...

У ч и т е л ь

Идемте же, прошу вас!
Совсем не в глупых рассказах тут дело,
И колдовства нисколько не боюсь я,
Но хуже места нет во всей округе!
Для сброда всякого здесь просто рай —
Для жуликов, воров, контрабандистов.
Кровавые убийства, грабежи
Так часты здесь, что, если бы тот Петер,
Которому, как говорится в сказке,
Узнать хотелось, что такое страх,
Пришел сюда, — его бы он изведаль.

Ц и р ю л ь н и к

Вы знаете, что дважды два четыре,
Но мир сложнее таблицы умноженья.
Не приведи вас бог узнать, учитель,
Что значит колдовство! В своей норе
Сидит колдунья, мерзкая как жаба,
И умыслы ужасные лелеет.
Напустит хворь на вас, а коли в стойле
Есть скот, так на него найдет чуму.
Доиться кровью вдруг начнут коровы,
На овцах ваших черви заведутся,
Взбесятся лошади, а на детей,
Коль пожелает ведьма, нападет
Лишай, а то и зоб или нарывы.

У ч и т е л ь

Вы бредите! Вас напугала ночь,
Вот вы и говорите о колдуньях.
Прислушайтесь-ка лучше! Кто-то стонет...
Его я вижу ясно, это он.

П а с т о р

Кто?

У ч и т е л ь

Тот, кого мы ищем, мастер Генрих.

Ц и р ю л ь н и к

То ведьмы наваждение!

П а с т о р

Это призрак.

У ч и т е л ь

Какой там призрак! Дважды два — четыре,
Но уж никак не пять. Колдуний нет.
А там вон мастер наш лежит, литейщик,
И это так же верно, как и то,
Что душу я свою спасти надеюсь.
Глядите, из-за туч луна выходит,
Вот, господа! Ну, прав я или нет?

П а с т о р

И в самом деле — мастер!

Ц и р ю л ь н и к

Наш литейщик!

Все трое бросаются к Генриху, наталкиваются на заколдованный
круг и отшатываются.

П а с т о р

Ай!

Ц и р ю л ь н и к

Ай!

У ч и т е л ь

Ай! Ай!

Р а у т е н д е л е й н

*(на мгновение показывается, прыгивая с дерева. С на-
смешливым, дьявольским хохотом она исчезает)*

Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! Ха!

Пауза.

Учитель
(озадаченный)

Что это было?

Цирюльник
Что?

Пастор
Оно смеялось!

Учитель
Так искры и посыпались из глаз...
Мне кажется, что в голове моей
Дыра с орех.

Пастор
Вы этот смех слышали?

Цирюльник
Я слышал смех и треск...

Пастор
Оно смеялось
И появилось из-за той сосны,
Что в лунном свете шелестит ветвями, —
Вон там! Сейчас как раз оттуда с криком
Сова взлетела.

Цирюльник
Ну, теперь, друзья,
Поверили вы мне насчет колдуньи?
Вам ясно, что не только хлеб жевать
Она умеет? Хорошо вам здесь?
Иль по спине мурашки побежали,
Как у меня, со страху? Вот чертовка!

Пастор
*(высоко поднимает распятие и решительно
направляется к хижине)*

Пусть будет так, как говорили вы,
Пусть там сам дьявол свил себе гнездо,

Его мы одолеем божьим словом!
Коварство сатаны бывало редко
Так ясно видимо, как в этот раз,
Когда он колокол с творцом его —
Господних верных слуг — низринул в пропасть!
Тот колокол, что с высоты над бездной
Своим могучим звоном должен был
Мир возглашать и вечную любовь
И в воздухе вещать о благодати.
Как божьи ратники сюда пришли мы.
Я постучу.

Цирюльник
Не надо!

Пастор
Постучу!
(Стучит.)

Виттиха
Кто там еще такой?

Пастор
Христианин.

Виттиха
Христианин, язычник — все равно.
Чего хотите вы?

Пастор
Откройте дверь.

Виттиха
(открывает и появляется в дверях, держа
зажженный фонарь)

Чего вам?

Пастор
Женщина, во имя бога,
Которого не знала ты...

Виттиха
Ого!
Ну, начинаешь ты благочестиво.

Учитель

Заткни ты глотку, мерзкое отродье!
Терпенье истощилось наше, хватит,
Ни слова более, настал твой час!
Так ненавистны всей округе стали
Позорные дела твои и жизнь,
Что если ты приказ наш не исполнишь,
То красный запоет петух на крыше
Твоей лачуги до зари еще;
Гнездо твоё — обитель сатаны —
В дыму и пламени взлетит на воздух.

Цирюльник (часто крестясь)

А мне твой глаз дурной совсем не страшен,
Проклятая ты кошка! Ну, глазей!
Куда глазами красными своими
Ни глянешь ты, везде на крест наткнешься.
Ну поживее, делай что велят,
Отдай нам мастера.

Пастор

Во имя бога,
Которого ты, женщина, не знаешь,
Я повторяю снова — прекрати
Ты козни адские и помоги нам!
Вот перед нами человек лежит,
Искусный мастер, господу служитель,
Который свыше даром награжден
В высотах воздуха царить победно
В честь господу и в посрамленье аду.

Виттиха

*(по-прежнему прикрываясь фонарем, подходит
к месту, где лежит Генрих)*

Ну ладно, хватит! Забирайте парня.
Мне дела нет. Знать ничего не знаю.
Пускай себе живет, коль хочет жить,
Да только век-то короток его,
Не проскрипит он долго — я уж вижу.
Вы говорите, он искусный мастер!

Нет, в мастерстве не больно он силен.
Тот колокол, что отлил этот парень,
Для вас-то, может, хорошо звучал,
Да уши ведь чугунные у вас
И ничего расслышать не умеют.
А звук был плох, и мастер это знал.
Он знал, чего недостает вещам. —
Им лучшего недостает, и в каждой
Есть трещина. — Ну, забирайте парня,
Кладите на носилки да тащите
Великого искусника домой. —
Вставай, вставай-ка, худосочный мастер!
Ты надобен им всем. Ты помогаешь
С амвона проповедь читать попу,
Учителю — сечь ребятишек в школе,
Цирюльнику — взбивать из мыла пену.

Генриха кладут на носилки. Цирюльник и учитель поднимают его.

П а с т о р

Ты, грешница бесстыдная, молчи!
Сверни с пути деяний сатанинских.

В и т т и х а

Мне эти ваши песенки известны!
Я знаю, знаю; чувство — грех у вас,
Земля, по-вашему, лишь тесный гроб,
А голубое небо — крышка гроба,
А звезды — свечи; солнце — дырка в небе,
Для вас и сам господь всего лишь поп.
Эх, отстегать бы вас прутом хорошим,
Бездельники вы — больше ничего.

П а с т о р

Ну ты, чертовка...

Ц и р ю л ь н и к

Ради бога, тише!

Не злите эту ведьму, хуже будет.

Пастор, Учитель и Цирюльник уходят в лес, унося с собой
Генриха. Ярко светит месяц, на поляне царит тишина. Одна за
другой из лесу появляются первая, вторая и третья феи и
начинают кружиться в танце.

Первая фея
Сестры!

Вторая фея
Сестры!

Первая фея
Между скал
Бел и бледен месяц встал;
Сумрак пал, и холодок
На леса и доли лег.

Вторая фея
Ты откуда?

Первая фея
Из волны,
Что дробит в лучах луны,
Низвергаясь с горных гряд,
Многопенный водопад.
Из ревушей бездны той,
Сквозь ее туман сырой
Поднялась я к вам во мгле
Сквозь расселину в скале.

Третья фея
(появляясь)
Сестры! Началась игра?

Первая фея
В круг спеши и ты, сестра.

Вторая фея
Ты отколь?

Третья фея
Внимайте мне
И танцуйте при луне,
Не сбивая хоровод.
Я пришла из глуби вод.

В свете звезд блестя, как щит,
Озеро меж скал лежит.
Глубь его тиха, черна,
В нем была я рождена.
На лучи луны взглянув,
Серебром одежд сверкнув,
В воздух гор под сенью мглы
Взмыла я быстрее стрелы,
Над обрывом, мимо туч,
Выше скал и горных круч.

Четвертая фея
(появляясь)

Сестры!

Первая фея
В круг скорей, вперед,
В наш веселый хоровод.

Четвертая фея
Из болот по камышам
Я тайком пробралась к вам.

Первая фея
Вьется, кружится, плывет...

Все
Наш веселый хоровод.

Сверкает молния. Где-то вдали раздается гром.

Раутенделейн
(внезапно появляется на пороге хижины и стоит
в свете луны, закинув руки за голову)

Где вы, феи?

Первая фея
Чу! Кричат!
Ах! Слетел с меня наряд,
Зацепясь за корень пня.

Раутенделейн
Где вы, феи?

Третья фея
И с меня!
Кто же это там снует,
Ту заденет, к этой льнет,
Посмотрите, полетел —
Серый хвост, и волос бел.

Раутенделейн
(вступая в хоровод)

К вам хочу я, дети вод,
В ваш веселый хоровод.
Ты, что серебра белей, —
Воткан бабушкой моей
Был серебряный узор
В мой сверкающий убор.
Эй, смуглянка, я с тобой
Схожа смуглой красотой.
Златовласая, взгляни
И себя со мной сравни:
Ты отбрось, и я взметну
Золотых волос волну,
Пред лицом поплыл моим
Шелковистый красный дым,
Заструился и потек
Света, золота поток.

Все .

Вьется, кружится, плывет
Наш веселый хоровод.

Раутенделейн
В воду колокол упал,
Где он, эльфы? Кто слышал?

Все .

Вьется, кружится, плывет
Наш веселый хоровод.

Незабудок нежный цвет
Не примнет наш легкий след.

Прыжками выскакивает Леший. Гром гремит сильнее. Во время следующей сцены слышен удар грома и начинается дождь.

Л е ш и й

На цветы я наскочу,
Незабудки растопчу.
Хруст в траве, в болоте плеск,
Меж кустов и шум и треск —
Это я пугаю фей,
Букке, бокке, хейса-хей!
На соломе бык фырчит,
Телочка в ответ мычит;
Вот на жеребце рядком,
Как невеста с женишком,
В стойле пара мух сидит,
Что-то в воздухе гудит:
То любовною игрой
Комариный занят рой,
Вьется, кружит мелкота
У кобыльего хвоста.
Старый конюх, холла-ла!
Девка в хлев к тебе пришла?
Пусть полно навоза там —
Мягче падать будет вам.
Холла-хусса-хейю-хой!
Не до шепота весной.
Взломан лед, река ревет,
Жизнь ключом повсюду бьет.
Кот мяучит кошке вслед,
И она ему в ответ.
Лебедь, сокол, воробей,
Лань, петух и соловей,
Зяблик, аист, куры, жук,
Куропатки и паук,
Жаба, заяц, мотылек,
Саламандра, лань, сверчок —

Все огнем зажглись одним,
Каждый любит и любим.
(Обнимает одну из фей и убегает с ней в лес.)

Остальные феи разбегаются. Раутенделейн остается одна; она задумчиво стоит посреди лесной поляны. Буря, гром и дождь прекращаются.

Водяной

(поднимаясь из колодца)

Брекекекекс...

Брекекекекс...

Эй ты!

Что там стоишь?

Раутенделейн

Ах, милый Водяной,

Я так грустна. Мне кажется, я слепну.

Водяной

(лукаво)

Брекекекекс! А на какой же глаз?

Раутенделейн

(развеселившись)

На левый глаз. Ты что же, мне не веришь?

Водяной

Нет, верю, верю...

Раутенделейн

(дотрагиваясь пальцем до левого глаза)

Посмотри, что это?

Водяной

Что там такое?

Раутенделейн

Вот, в моем глазу.

Водяной

Что у тебя? А ну-ка, покажи мне!

Раутенделейн

Упала капелька туда, ты видишь,
Горячая такая.

Водяной

Вот как? С неба?

Раутенделейн

(показывая ему на пальце слезу)

Прозрачная и маленькая капля,
Горячая и светлая, вот видишь?

Водяной

Черт побери! Красивая какая!
Возьму ее с собою, если хочешь,
И сделаю я для нее на славу
Из раковины розовой оправу.

Раутенделейн

Оставлю на колодце это диво.
А что это, скажи?

Водяной

Алмаз красивый!

Взгляни — отражены в его сверканье
Все счастье мира, все его страдания,
Зовется он — слезой.

Раутенделейн

Слезой?.. Так, значит,
Я плакала сейчас? Ах, вот как плачут!
Я поняла... Какою-нибудь шуткой
Потешь меня.

Водяной

Пойдем ко мне, малютка.

Раутенделейн

Ну нет! Здесь лучше. Что за радость мне
В твоём колодце грязном жить на дне.

Мокрицы, пауки... фу, что за дрянь...
Вы все, и ты, противны мне. Отстань!

В о д я н о й

Кворакс... но это не моя вина.

Р а у т е н д е л е й н

Вот капелька опять!

В о д я н о й

К дождю она.

Загрохотал владыка Тор над нами
И молнии фиалковое пламя,
Синеющее ярче детских глаз,
Стряхнет он в тучи с бороды сейчас.
Спешит ему вослед воронья стая,
Сквозь ночь и бурю вихрем пролетая,
С их черных крыл вода течет струей.
Дитя, вливает жадно влагу мать-земля
И, видя вспышки молний над собой,
Ликуют лес, трава, червяк и тля.
Кворакс!

Молния.

В долину! Ай да мастер Тор,
Зажег себе он праздничный костер.
Пылает молот! Залито огнем
Все на двенадцать тысяч миль кругом!
Дым повалил! Трясется колокольня,
Вот-вот все рухнет...

Р а у т е н д е л е й н

Замолчи! Довольно!

Я слышать от тебя хочу не то.

В о д я н о й

Кворакс! Брекекекекс! Да ты — ничто,
Ты жалкий воробей. Смотри какая!
Ее захочешь приручить, лаская,
Она ж — кусаться! Разве можно так!
Бьюсь с нею, бьюсь — и вдруг попал впросак!

Да жди еще пощечины в награду.
Ну что тебе узнать такое надо?
Опять надулась...

Раутенделейн

Ничего. Уйди,
Оставь меня в покое.

Водяной

Погоди...
Узнать ты ничего не хочешь?

Раутенделейн

Нет.

Водяной

(умоляюще)

Ну хоть словечко вымолви в ответ.

Раутенделейн

(глядит вдаль глазами, полными слез)
От всех от вас уйти бы мне совсем.

Водяной

(с горечью, убедительно)

Куда? Что сделал я тебе? Зачем?
Ты голову теряешь! В мир людей
Влечет тебя? Смотри преодолей
Безумство это! Человек попал
Незванный к нам, никто его не знал,
Сюда случайно он направил след,
Как будто бы и с нами он — и нет,
А где? Наполовину брат родной,
Наполовину враг, пришлец чужой?
Знай, если кто из царства вольных гор
К проклятым людям обратит свой взор,
Того беда неотвратимо ждет.
Ведь слабый, жалкий человеческий род
Сам губит в ослепленье корень свой;
Стремится к свету он, насквозь гнилой,
И, как картофель в погребе, пустить
Ростки спешит. Он страстно хочет жить

И все-таки до самого конца
Не видит солнца, своего отца.
Весенний ветер нежит стебелек,
Но он ломает высохший сучок.
Не рвись в их мир. Оставь свою затею.
Привяжешь жернов ты себе на шею,
Они тебя повергнут в тьму и в ночь,
Приучат плакать, смех прогонят прочь,
А древней книги их закон суровый
Скует тебя, как тяжкие оковы,
И будешь вечно ты — вот помяни —
Нести проклятье солнца, как они!

Р а у т е н д е л е й н

Мне бабушка твердит, что ты умен.
Гляди ж — бегут ручьи со всех сторон,
Но нет меж них такого до сих пор,
Чтоб к людям он не тек в долину с гор.

В о д я н о й

Кворакс, себя с ручьями не равняй,
Ты мне, тысячелетнему, внимай:
Пускай они текут своим путем
И, жалкие рабы в краю людском,
Белье стирают, мельницы вертят,
Поят капусту, увлажняют сад,
Глотают все, что им перепадет,
Брр... только вспомню, сразу страх берет.

(Горячо и настойчиво.)

Но ты — ты принцесса, удел твой — блистать,
Супругой царя суждено тебе стать,
Наденешь зеленый хрустальный венец,
Сведу я тебя в свой волшебный дворец,
В камнях голубых там полы, потолки,
Из красных кораллов столы, сундуки.

Р а у т е н д е л е й н

Хоть будь из сапфира твой царский венец,
Пусть дочки твои им гордятся, мудрец.
Мне косы мои золотые милей,
Легко мне под этой короной моей.

Пускай твой дворец из сверкающих глыб,
Не стану я жить среди лягушек и рыб,
С квораканьем, кваканьем, вечно впотьмах,
В трясине и вони, в грязи, в камышах.

Водяной.

Куда же ты?

Раутенделейн
(легко и безучастно)
Тебе какое дело?

Водяной

Кворакс, брекекекекс, большое дело!

Раутенделейн
Куда захочется, туда пойду.

Водяной

Куда же хочется тебе?

Раутенделейн
Туда!

Водяной

Куда туда?

Раутенделейн
Иду я в мир людей!
(Поспешно уходит и исчезает в лесу.)

Водяной
(в страхе)

Кворакс!

(Жалобно.)

Кворакс!

(Тише.)

Кворакс!

(Качая головой.)

Брекекекекс!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Дом литейщика колоколов, мастера Генриха. Старинная немецкая комната. Половина задней стены образует глубокую нишу, в которой находится большой очаг, над ним дымовая труба. Над остывшими углями висит медный котел. Во второй, выступающей вперед части стены — окно с разноцветными стеклами; под ним кровать. В боковых стенах двери. Левая ведет в мастерскую, правая — в сени. Справа на первом плане стол и стулья. На столе стоит кувшин с молоком, кружки и коврига хлеба. Неподалеку от стола рукомойник. Комнату украшают изваяния работы Адама Крафта и Петера Фишера; на самом видном месте статуя распятого Христа, сделанная из раскрашенного дерева.

Двое сыновей Генриха — один пяти, другой девяти лет, одетые по-праздничному, сидят за столом. Перед ними кружечки с молоком. В комнату входит фрау Магда, она тоже в праздничном платье. В руках у нее букет первоцветов, которые горцы зовут «небесными ключами».

Раннее утро разгорается все ярче и ярче.

Фрау Магда

Смотрите, дети, что я принесла!
За нашим садом я нашла лужайку,
Усеянную этими цветами,
И можем мы в день торжества отца
Себя убраться по-праздничному ими.

Первый мальчик

Дай мне цветок.

Второй мальчик

И мне.

Ф р а у М а г д а

Дам всем по пять,
Хоть и один вам может отворить
Ворота рая. Пейте молоко,
Хлеб доедайте, и пойдем быстрее.
До церкви далеко, тропа крута.

С о с е д к а

(у окна)

Соседка, вы уж встали?

Ф р а у М а г д а

Ну еще бы!
Я до рассвета не сомкнула глаз,
Но не из-за тревоги, нет. Свежа я,
Как если бы всю ночь спала я крепче
Сурка в норе. А день-то будет ясный...

С о с е д к а

Куда яснее!

Ф р а у М а г д а

Не пойдете ль с нами?
Я вам советую. Приятно будет
В лад с детскими шагами прогуляться.
Мы вас не утомим ходьбою быстрой.
Хотя я вам должна признаться честно,
Что я б туда охотней полетела,
Так гонит нетерпение меня.

С о с е д к а

А разве муж ваш не вернулся ночью?

Ф р а у М а г д а

Да где ж ему! Я буду рада, если
Они повесить колокол успеют,
Пока народ у церкви не собрался.
Срок был столь краток. Генриху пришлось
Работать, не жалея сил! Когда бы
Часок один сумел он отдохнуть

В траве лесной и подремать немножко,
И то бы я благодарила бога.
Велик был труд, но за него воздастся!
Представить вы не можете, как сладко,
Как чисто новый колокол звучит.
Послушайте, соседка, как сегодня
Впервые голос он подаст. Слышны
В нем проповедь, молитва, утешенье,
И ангельское пение, и счастье.

С о с е д к а

Так-так... Но вот что странно, фрау Магда,
Вы знаете, из дома моего
Видна отлично церковка в горах,
Там собирались белый флаг поднять,
Как только будет колокол подвешен.
Но флага нет как нет.

Ф р а у   М а г д а

А вы всмотритесь

Получше и увидите его.

С о с е д к а

Нет, я уверена.

Ф р а у   М а г д а

Пусть даже так,

Но это ведь значенья не имеет.
О если б было вам, как мне, известно,
Каких усилий стоит этот труд,
Как день и ночь работает, и бьется,
И голову ломает мастер Генрих,
Вы удивляться бы теперь не стали,
Что точно в срок не вбит последний гвоздь.
А может, развевается уже
На колокольне флаг?

С о с е д к а

Ну нет, едва ли.

В деревне говорят, что там, в горах,
Не все благополучно... И к тому же
Дурными были предзнаменования.

Видал один крестьянин, как по полю
Скакала баба голая верхом
На кабане. Схватил крестьянин камень
И кинул в привидение, но тотчас
Рука его до локтя отнялась.
А это значит — злые духи гор
Разгневались на колокол святой.
Дивлюсь, что ничего вы не слышали!
Ведь старшина уже наверх пошел
И взял с собой людей. Все полагают...

Ф р а у   М а г д а

Что полагают?.. Господи помилуй!
Наш старшина пошел с людьми наверх?

С о с е д к а

Да неизвестно толком ничего,
Пока вам нет причины волноваться,
Не огорчайтесь, право же! Не надо!
Ни о каком несчастье речи нет...
Под колоколом будто поломалась
Телега и случилось что-то с ним,
А что — не знают.

Ф р а у   М а г д а

Если только это,
То бог с ним, с колоколом, лишь бы жив
Остался мастер. Нет уж, не сниму
Ни одного цветочка я с груди.
Но, раз еще известий верных нет,
Нельзя ли мне детей у вас оставить
Хотя бы ненадолго...

(Быстро подносит их к окну и передает соседке.)

Хорошо?

С о с е д к а

Ну, разумеется, я их возьму!

Ф р а у   М а г д а

К себе домой возьмите их, а я...
Я поспешу скорей туда... узнать,

Помочь — еще сама не знаю, как...

Но я должна

(поспешно выбегая)

быть там, где Генрих мой.

Соседка отходит от окна. Слышится гул толпы и громкий душераздирающий вопль. Это голос Магды.

В комнату быстро входит П а с т о р, вздыхая и отирая глаза. Он стоит, озираясь, затем поспешно открывает постель. Бежит обратно и встречает в дверях У ч и т е л я и Ц и р ю л ь н и к а, которые несут на носилках Г е н р и х а. На носилках под потерпевшим несчастьем подостланы зеленые ветки. За носилками следует Магда, почти обезумевшая от горя. Ее ведут под руки м у ж ч и н а и ж е н щ и н а.

За ней теснится н а р о д. Генриха кладут на постель.

П а с т о р

Бог милостив. Мужайтесь, фрау Магда.

Мы мастера уже считали мертвым

И понесли домой, но по дороге

Очнулся он, и доктор нам сказал,

Что есть еще надежда.

Ф р а у М а г д а

(со стоном)

Боже правый!

Надежда есть еще!.. Ведь за минуту

До этого я счастлива была!

Что здесь случилось? Что со мной? Где дети?

П а с т о р

Мужайтесь, ради бога, фрау Магда.

Терпение! Терпенье и покорность!

Где скорбь сильнее, там ближе божья помощь,

А ежели в премудрости своей

Господь не даст земного исцеленья

Супругу вашему, утешьтесь тем,

Что обретет он вечное блаженство.

Ф р а у М а г д а

Что вы толкуете об утешенье?

К чему оно? Он будет жить, я знаю!

Он должен быть здоров.

П а с т о р

Да, есть надежда...

Но если нет — на то господня воля.
Так иль иначе — победил наш мастер!
Служа творцу, он колокол отлил,
Служа творцу, он в горы поднялся,
Где силы темные еще царят
Во мраке скал, бросая вызов богу.
Служа творцу, наш мастер пал в борьбе
С коварными исчадиями ада,
Которые, страшась святого звона
И в дьявольский союз объединившись,
Литейщика пытались погубить.
Но бог накажет их.

Ц и р ю л ь н и к

Неподалеку

Здесь женщина одна святая есть,
Она людей молитвой исцеляет,
Как некогда апостолы.

П а с т о р

Бегите

Скорей за нею, пусть придет сюда.

Ф р а у М а г д а

(толпе)

Чего вы смотрите? Ступайте прочь!
Безбожные докучные зеваки!
Пускай платком лицо ему прикроют,
Не то его иль сглазят, иль убьют!
Вот так! Теперь идите все отсюда,
На скоморохов можете глазеть. —
Что было с ним? Вы онемели, что ли?

У ч и т е л ь

Как все случилось — трудно объяснить.
Хотел ли колокол он удержать,
Когда тот падал... я не знаю, право.
Но, если б эту пропасть вы видали,

Вы тут же преклонили бы колени
И вознесли всевышнему хвалу.
Ведь то, что жив он, — это просто чудо!

Генрих

(слабым голосом)

Воды!

Фрау Магда

(мгновенно вскочив)

Уйдите все отсюда прочь!

Пастор

Ступайте, люди, пусть он отдохнет.

Народ расходится.

Коль я вам буду нужен, фрау Магда,
Вы знаете, где отыскать меня.

Цирюльник

Да, и меня.

Учитель

А я останусь здесь.

Фрау Магда

Мне никого не нужно, никого!

Генрих

Дай мне напиться...

Пастор, Учитель и Цирюльник, тихо посовещавшись,
уходят, пожимая плечами и качая головой.

Фрау Магда

(поспешно поднося Генриху воду)

Ты очнулся, Генрих?

Генрих

Я пить хочу. Дай мне воды. Ты слышишь?

Фрау Магда

(невольно)

Терпение, терпение!

Генрих

Терпению

Я скоро научусь. Совсем недолго
Осталось, Магда, и тебе терпеть.

(Пьет.)

Благодарю тебя.

Фрау Магда

Ах, Генрих, что ты!
Не говори так. Страшно слышать мне
Слова такие!

Генрих

(с лихорадочной горячностью)

Нет, не бойся, Магда,
Ты жить должна, жить без меня.

Фрау Магда

Нет-нет.

Я не могу... Нет жизни без тебя.

Генрих

Твое ребячье горе недостойно.
Не мучь меня, пойми, ведь ты же мать,
Не забывай об этом... Успокойся.

Фрау Магда

Не будь со мной сейчас таким жестоким.

Генрих

(с отчаянием)

Жестокостью ты называешь правду?
Вот он, твой мир, — в кроватках этих детских.
Там жизнь твоя, и счастье, и забота
Покоятся в простынках белоснежных,
И, будь оно не так — ужасно было б.

Фрау Магда

(бросаясь к нему)

Пусть бог меня простит! Но я тебя
Люблю сильнее себя, детей и жизни.

Генрих

Так горе вам, несчастные сиротки!
И трижды горе мне — я осужден
От детских уст отторгнуть хлеб насущный!
Но яд уже на языке моем...
И это хорошо... Прощай же, Магда,
Пусть бог пребудет с вами неизменно.
Бывал желанней света сумрак смерти
Порой для многих. Ныне — для меня.

(Мягко.)

Дай руку мне. Я знаю, много зла
Тебе я причинил. Я оскорблял
Твою любовь не раз. Прости меня!
Я не хотел, но так всегда случалось.
Не знаю что — но что-то вынуждало
Терзать тебя — и я терзался тоже.
Прости меня!

Фрау Магда

Простить тебя? За что?
Не говори так, если любишь, Генрих,
Иль я заплачу. Лучше уж брани.
Ты знаешь, что ты для меня.

Генрих

(с болью)

Не знаю.

Фрау Магда

Меня ты поднял, сделал человеком;
В невежестве, мытарствах, нищете
Жила я, словно под дождливым небом.
Ты показал, принес и дал мне радость.
И никогда любовь твою сильнее
Не ощущала я, чем в те мгновенья,
Когда мой разум властною рукой
Ты к свету обратил из темноты.
И мне прощать тебя? За что? За то, что
Я жизнью всей обязана тебе?

Г е н р и х

Как странно души сплетены порой!

Ф р а у М а г д а

(глядит ему волосы, мягко)

Когда могла тебе я услужить
Хоть чем-нибудь; иль время скоротать
Тебе я помогала в мастерской;
Иль если я желанною казалась
Твоим глазам, — я счастлива и тем.
Подумай, Генрих! Все, что есть на свете,
Я отдала бы с радостью тебе, .
Но дать, увы, могла я только это.

Г е н р и х

(беспокойно)

Я умираю... это хорошо.
Бог так судил на благо нам. Ведь если б
Остался жить я... Наклонись ко мне...
Ты думаешь, что вызван твой расцвет
Моей любовью, — но ошиблась ты.
Нет, это сделал вечный чудотворец,
Который вдруг в разгар весны в лесу
На тысячи раскрывшихся цветов
Повеять может ледяным дыханьем.
Умру я — так для нас обоих лучше.
Я стар уже, и слаб, и утомлен,
И, верь, печалиться не собираюсь,
Что тот литейщик, чьей рукой я создан,
Меня, ничтожного, теперь отверг.
Когда швырнул меня он с силой в пропасть
Вслед за моим твореньем неудачным,
Я радовался этому. Увы,
Плоха была моя работа, Магда.
Тот колокол, который вниз упал,
Не для высот был создан и не мог
В вершинах горных отзвук пробуждать.

Ф р а у М а г д а

Я смысла слов твоих не понимаю,
Создание прекрасное такое,

Оно снискало общую хвалу!..
Ни пузырька в металле, звук прозрачный.
«Как хор небесных ангелов поет
Наш колокол, что отлил мастер Генрих», —
Все говорили дружно, как один,
Когда он был подвешен меж деревьев
И радостно впервые зазвучал.

Г е н р и х

(с лихорадочной поспешностью)

Звучит в долине он, в горах — не может.

Ф р а у М а г д а

Неправда! Ах, когда б, как я, ты слышал,
Что пастор кистеру сказал в волнение:
«Как дивно будет он звучать в горах...»

Г е н р и х

Звучит в долине он, в горах — не может,
Об этом знаю только я один.
Не знает пастор. Да, теперь умру я,
И смерть желанна мне, дитя мое.
Пойми: поправься я, как говорится,
Починенный цирюльником кой-как,
Куда я был бы годен — в богадельню?
Ведь это значило бы превратить
Напиток жизни огненно-горячий,
Порою горький, а порою сладкий,
Но вечно крепкий — тот, что я люблю, —
В отвар бесцветный, жидкий и пустой,
Прокисший, выдохшийся и холодный.
Пусть пьет его кто хочет — но не я,
А мне противна даже мысль о нем.
Молчи. Послушай... Если приведешь
Сюда врача, которому ты веришь,
И он сумеет исцелить меня,
Вернув обратно к радости былой, —
Я все равно погиб, поверь мне, Магда.

Ф р а у М а г д а

Скажи мне, ради бога, дорогой,
Как это все с тобою приключилось?

Ты — человек высоких устремлений,
Так щедро одаренный небесами,
Прославленный везде, любимый всеми,
Искусства своего великий мастер;
Ведь в неустанном радостном труде
Ты создал свыше ста колоколов.
На сотне колоколен звонким гулом
Они поют хвалу тебе победно
И льют, как опрокинутые чаши,
Чудесную красу твоей души
Над селами и мирными полями.
Сливается твой голос и с багряным
Закатом и с зарею золотою.
Ведь ты богач, способный дать так много,
Ты — божий голос, ты податель счастья,
Которым даришь ты людей в то время,
Как тяжесть наших нищенских скорбей
Для всех других насущным хлебом стала.
И ты на плод искусства своего
Глядишь с неблагодарностью? Ах, Генрих!
Зачем же ты меня толкаешь к жизни,
Которая и самому тебе
Внушает отвращенье? Что мне в ней?
На что мне жизнь, когда свою ты сам
Швыряешь, как фальшивую монету?

Г е н р и х

Неправда... Ведь сейчас твоя душа
Звучит ясней и глубже всех моих
Колоколов. Благодарю тебя!
И все ж... Меня должна понять ты, Магда.
Последнее творение мое
Не удалось. Я со стесненным сердцем
За колоколом следовал, когда
Его тащили люди в горы с криком,
Шумя, бранясь... И вот — упал он в бездну!
Вниз на сто сажений свалился он
И в горном озере сокрыт навеки.
Покоится теперь в глубоких водах
Последний плод искусства моего,
Труда и мощи. Жизнь свою прожил я,

Но лучшего не создал — и не смог бы,
Поэтому я бросил эту жизнь
Вслед моему негодному творенью.
И вот — оно на дне лежит, а я
Влачу остаток жалких дней своих.
Я не скорблю — и все же вновь скорблю
О том, что потерял. Одно лишь верно —
Что колокол мой, так же как и жизнь,
Никто не в силах мне вернуть обратно,
И, если бы я даже захотел
Со всей душевной страстью вновь услышать
Тот звон похороненный, — горе мне!
И что за жизнь могла бы ждать меня?
Вместилище безумия и скорби,
Раскаянья, ошибок, злобы, мрака...
О нет, такой я жизни не хочу!
Я больше не хочу служить долинам,
Покой их тихий усмирить не может
Теперь мою взволнованную кровь.
С тех пор как я стоял там, наверху,
Всем существом стремлюсь я на вершины,
Чтоб там блуждать в лазури над туманом
И мощь высот в свое искусство влить.
Но, раз я ослабел уже настолько,
Что, вновь наверх взобравшись через силу,
Свалюсь опять, — я смерть предпочитаю.
Чтоб жизнь начать — мне молодость нужна.
Чудесно сказочный цветок в горах
Приносит плод, вторично расцветая;
Я должен в сердце силу ощутить,
И мощь в руках моих, железо в жилах,
К неслыханному творчеству порыв
И жажду исступленную победы!

Ф р а у М а г д а

О Генрих, Генрих! Если б знала я,
Где отыскать мне то, чего ты жаждешь, —
Родник, что может молодость вернуть, —
Я б ноги в кровь, ища его, разбила,
Я б утонула в этом роднике,
Чтоб только юность возвратить тебе.

Г е н р и х

(измученный, начиная бредить)

Ты милая! Нет-нет, я не хочу.
Возьми питье. В источнике лишь кровь,
Лишь кровь... Иди, дай умереть спокойно.

(Теряет сознание.)

П а с т о р

(возвращается)

Ну, фрау Магда, как дела?

Ф р а у М а г д а

Ах, плохо!

Все существо его потрясено,
Его гнетет какая-то печаль!
Что делать мне — ума не приложу.
(Поспешно набрасывает платок.)
О женщине святой вы говорили...

П а с т о р

Да, совершенно верно, фрау Магда,
Затем я и пришел... Она живет
Не более чем в миле от селенья,
И звать ее... ну, как же звать ее?
Она, мне кажется, живет в лесу...
Да-да, вот именно, в лесу сосновом,
Ее зовут...

Ф р а у М а г д а

Как? Виттиха?

П а с т о р

Ах, что вы!

Она же — ведьма, мерзкая колдунья,
Ее погибель ждет. Народ разгневан
Бесовкой этой и ее делами.
При свете факелов собрались люди
С камнями, палками — они решили
Покончить с ней. Ее считают здесь
Повинною во всем, что приключилось

Нет, ту, которую имел в виду я,
Звать фрау Финдекле. Она вдова,
Покойный муж ее был пастухом,
Он ей рецепт старинный передал,
Как утверждают люди, — чудодейный.
Хотите к ней пойти?

Фрау Магда

Да, непременно.

Пастор

Сию минуту?

Входит Раутенделейн с ягодами, она одета служанкой.

Фрау Магда

Что тебе здесь нужно?

Ты кто, дитя мое?

Пастор

Да это Анна,

Живущая у Михеля в сторожке.

Не говорите с ней — она нема.

Бедняжка ягод принесла.

Фрау Магда

Входи!

Входи, дитя. Так что же я хотела?..

Ты видишь — вот больной. Останься с ним,

Пока он не проснется. Поняла?

Так фрау Финдекле зовут ее?

Но далеко к ней, как мне отлучиться?

Я на минутку... попрошу соседку

К ней сбегать... и сейчас вернусь обратно.

Я живо.. Боже, как мне тяжело!

(Уходит.)

Пастор

Постой тут или лучше посиди;

Будь умницей, помочь им постарайся,

Побудь с больным, пока ты здесь нужна,

Ты дело доброе свершишь, и бог

Вознаградит тебя, дитя мое.
Но как ты изменилась с той поры,
Как видел я тебя в последний раз...
Ну, будь же девушкой благочестивой,
И скромною, и честной. Одарил
Тебя господь великой красотой...
Нет, право, милая, вот я гляжу
И не пойму, ты это иль не ты?
Ты кажешься принцессою из сказки.
Нет, в самом деле, кто бы мог подумать,
Что ты когда-нибудь такую станешь.
Не верится... Лоб освежи ему,
Ты поняла меня? Он в лихорадке...
(Генриху.)

Да исцелит тебя отец небесный.
(Уходит.)

Раутенделейн

*(робкая и тихая до сих пор, резко меняется и быстро
принимается за дело)*

Искры, вспыхните сквозь дым
Под дыханием моим,
Красный вихрь, взметнись живей,
Я, как ты, дитя полей.
Зурре-зурре, пой.

Огонь в очаге разгорается.

Скрыло пламя медь котла,
Как ты, крышка, тяжела!
Суп, кипи, бурли, варись,
Крепким, вкусным становись!
Зурре-зурре, пой!

*(Приподымает крышку котла и пробует его
содержимое.)*

Стебли нежных, майских трав,
Вас я брошу в свой состав,
Кто напиток мой глотнет,
Возродится к жизни тот.

Зурре-зурре, пой!

Теперь мне нужно репы натереть
И за водою сбегать — в кадке пусто,

Но прежде я окошко распахну.
Как хорошо! А завтра будет ветер:
Легла громада тучи над горами,
Как рыба исполинская, а завтра
Из недр ее со свистом сонмы духов
Низрйнутся через сосновый лес,
Через ущелье вниз, в долину, к людям.
Ку-ку, ку-ку! И здесь кричит кукушка,
И ласточки проносятся стрелой
По воздуху, а в нем уж день сверкает.

Генрих открывает глаза и пристально смотрит на Раутенделейн.

Натру я репы, принесу воды.
Раз я служанка — значит, за работу.
Ну, помоги мне справиться, огонь!

Генрих

(в бесконечном удивлении)

Кто ты... скажи?

Раутенделейн

(быстро, весело и непринужденно)

Я? Раутенделейн.

Генрих

Ты Раутенделейн? Я это имя
Впервые слышу. Но тебя уже
Я прежде видел где-то... Только где?

Раутенделейн

Там, высоко в горах.

Генрих

Ах, верно! Да...

Лежал я в лихорадке и тебя
Во сне увидел. А теперь... опять
Я грежу... Странные бывают сны,
Ведь правда же? Вот дом, где я живу,
Огонь пылает в очаге моем,
Лежу я в собственной своей постели
Больной смертельно... Посмотрю в окно —

Вот ласточки порхают вверх и вниз,
Играют соловьи в моем саду;
Сирени и жасмина аромат
Плывет сюда, — я чувствую все это
И вижу все до мелочей. Смотри!
Вот в ткани одеяла моего
Все ниточки... все узелки я вижу —
И все ж я сплю...

Раутенделейн

Ты спишь? Но почему?

Генрих

(восхищенно)

Да потому, что грежу.

Раутенделейн

Ты уверен?

Генрих

И да... и нет. Ах, что я говорю...
О только б не проснуться... Ты спросила,
Уверен я иль нет, что я не сплю?
Пусть будет так, как есть: сон или явь,
Но ты живешь, ты есть, ты существуешь
Во мне иль вне меня! Ты милый призрак!
И, если даже образ твой прекрасный
Лишь порождение моей души, —
Любовь моя к тебе не станет меньше.
Побудь со мной немного...

Раутенделейн

Сколько хочешь!

Генрих

И все-таки я сплю...

Раутенделейн

Ну посмотри,
Вот ножку маленькую я свою
Приподниму. Вот красный каблучок,

Ты видишь, да? Вот так. А вот орешек.
Беру его; меж пальцами сжимаю,
Теперь ступай скорей под каблучок.
Крак! Пополам орех! И это сон?

Генрих

Господь лишь знает!

Раутенделейн

Ну, смотри еще!
Теперь я подхожу к твоей постели...
Сажусь к тебе... вот я уже сижу
И преспокойно лакоплюсь орешком.
Тебе не тесно?

Генрих

Нет, но расскажи,
Откуда ты и кто тебя послал?
Чего ты хочешь от меня? Усталый,
Разбитый, и страдающий, и жалкий,
Считаю я последние мгновенья
Пути земного.

Раутенделейн

Нравишься ты мне.
Откуда я — не знаю и сама,
Куда иду — сказать я не сумею;
Меня однажды бабушка лесная
Нашла в траве, во мху и подобрала,
А лань меня вскормила молоком.
Я на горах, в лесу, в болоте — дома!
Когда бушует, свищет, воет ветер,
Визжит, мяучит, словно дикий кот, —
Я в воздухе кружусь, ношусь, ликую
И хохочу — мне эхо отвечает,
А Водяной, и Леший, и русалки
Глядят и надрываются со смеху.
Я очень злая — если рассержусь,
Царапаюсь, кусаюсь больно-больно.
Тот, кто меня рассердит, — берегись!
Но, если и не трогают меня,

Немногим это лучше, потому что
Бываю я то доброю, то злою,
Как мне захочется — то так, то этак.
Но ты мне нравишься. Тебя не стану
Царапать. Хочешь, я останусь здесь?
А лучше, если мы пойдем с тобою
Туда, навверх, в мои родные горы,
Увидишь, как тебе служить я буду;
Карбункулы, алмазы покажу я,
Сокрытые в глубоких тайниках,
Топазы, аметисты и смарагды —
И буду делать все, что ни прикажешь.
Пусть я хитра, упряма и ленива,
Коварна, непослушна — все, что хочешь, —
Но буду я в глаза тебе смотреть
И, прежде чем успеешь пожелать
Ты что-нибудь, тебе кивну я — да.
А бабушка лесная говорит...

Генрих

Но кто же это — Бабушка лесная?
Ведь я не знаю, милое дитя,
Скажи!

Раутенделейн
Кто Бабушка лесная?

Генрих
Да.

Раутенделейн
Ее не знаешь ты?

Генрих
Я человек
И слеп.

Раутенделейн
Сейчас прозреешь ты.
Я обладаю дивным даром. Если
Кому-нибудь глаза я поцелую,

То у него откроются они
Для всех небесных далей.

Генрих

Так открой мне.

Раутенделейн
Лежать ты смирно будешь?

Генрих

Вот увидишь!

Раутенделейн
(целует его в глаза)
Глаза, откройтесь!

Генрих

Милое дитя,
Ниспосланное мне в последний час,
Цветок, что для меня сорвал господь
Отеческой рукой в садах весны,
Побег, на воле взросший. Будь таким я,
Каким когда-то окунулся в жизнь,
Тебя к груди прижал бы я, ликуя.
Я был слепцом, теперь я полон света
И мир твой постигаю, трепеща,
Все больше, больше с каждою минутой;
Загадочный твой образ я впиваю
И чувствую, что вижу, ясно вижу.

Раутенделейн
Гляди же, сколько хочешь, на меня!

Генрих

Как золото твоих волос прекрасно!
О, самая любимая из грез,
С тобой и мрачная ладья Харона
Покажется мне царским кораблем,
Скольльзящим на пурпурных парусах
К востоку, к солнцу. Ветерок ты чуешь?
Дыханье чуешь нежное его,

Которым пену белую вздымает
Он на лазури теплых, южных вод?
Он свежестью алмазных чистых брызг
Нас обдает — ты чувствуешь? А мы,
На золоте покоясь и шелках,
С блаженной верой измеряем даль,
Которая с тобой нас отделяет...
Тебе самой известно от чего.
Ты узнаешь зеленый остров, край,
Где ветви опустили вниз березы,
Купаясь в ярко-синем блеске волн?
Ты слышишь радость всех певцов весны?
Они нас ждут с тобою...

Раутенделейн

Да, я слышу.

Генрих

(в забыты)

Вот я готов... Проснусь, и кто-то скажет:
«Ступай со мной». Тогда угаснет свет
И холодом повеет. И умрет
Прозревший так, как умер бы слепой...
Но видел я тебя...

Раутенделейн

(произнося заклинание)

Мастер, спи, глаза закрой,
Пробудись — и станешь мой!
Тайных чар твой полон сон,
Спи — и будешь исцелен.

(Делает движения руками над очагом, приговаривая.)

Клад заколдованный к свету стремится,
Ибо во мраке не может светиться;
Псы распаленные робко визжат,
Ибо они пред искусством дрожат.
Мы же служить ему вечно готовы —
Тот нами правит, кто снял с нас оковы.

(Делает жесты в сторону Генриха.)

Раз, два, три, освободись!
Обновленным пробудись!

Генрих

Что сделалось со мной? Как ото сна
Я пробудился вдруг. Какое солнце
Врывается в открытое окно
И руку золотит! Ах, воздух утра
Живительный! О небо, если это
Твое деянье,— если эта сила,
Которая кипит во мне и бьется,
И этот пламенный порыв души —
Твое веленье, твой священный дар,—
Тогда готов я снова жить начать,
И вновь желать, дерзать, стремиться, верить,
И вновь творить, творить...

Входит Магда.

Кто это? Магда?

Магда

Проснулся он?

Генрих

Да, Магда, я проснулся!

Магда

(полная радостного предчувствия)
Ну как ты?

Генрих

Хорошо! Ах, как чудесно!
Я буду жить, я чувствую, я знаю.

Фрау Магда

(вне себя от счастья)
Он жив, он жив! О милый! Генрих! Генрих!
Раутенделейн стоит в стороне, сверкая глазами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Заброшенная плавильня в горах, вблизи заснеженных пропастей. Справа из утеса, образующего стену, в естественный каменный водоем течет по глиняному желобу вода. Налево, у другой задней стены, кузня с дымоходом и мехами.

Сзади, налево, через открытый вход, напоминающий ворота овина, виден горный ландшафт: вершины, болота, в глубине дремучие леса, вблизи крутой обрыв.

На крыше плавильни дымовая труба.

Справа похожий на готическую арку пролом в скале.

Видно, как Леший тащит сосновый пень и кладет его на сложенную за хижинкой кучу топлива. Затем он входит внутрь и нерешительно оглядывается по сторонам.

Из колодца по грудь поднимается Водяной.

Водяной

Кворакс! Входи!

Леший

А, это ты?

Водяной

Да, я.

О черт, от дыму просто нет житья.

Леший

Что, улетели?

Водяной

Кто?

Леший

Ну, эти...

Водяной

Да...

Не то бы здесь вертелись, как всегда.

Леший

Я только что...

Водяной

Ну?

Леший

Гнома повстречал

С пилой и топором.

Водяной

Что он сказал?

Леший

Что квакаешь ты все...

Водяной

Заткнул бы уши,

Болван!

Леший

Сказал, что жалко даже слушать,
Мол, грусть такая в кваканье твоём.

Водяной

Сверну ему башку.

Леший

И поделом.

Водяной

И кой-кому еще.

Леший

(смеясь)

Проклятый род!

Залез к нам в горы, роет, строит, жжет,

Металлы варит, топит, плавит их,
Заездил леших, гномов, водяных,
Запанибрата с нами — впряг в тележку,
В подруги взял, как будто бы в насмешку,
Он самую красивую из фей,
А мы — мы стой поодаль и глазей.
Она ворует у меня алмазы,
Янтарь и золото, цветы, топазы,
Вокруг него и день и ночь хлопочет,
Его целует — нас и знать не хочет.
Не ведая преграды никакой,
Он рушит, губит лес наш вековой.
Земля дрожит; в ущельях гул и звон,
Из кузни ввысь огонь летит ужасный,
В мою нору кидая отсвет красный...
Черт знает, что еще задумал он!

Водяной

Брекекекекс, когда б ты сметлив был,
Давно бы уж на дне глубоком гнил
Искусник этот с колоколом рядом.
Раз колокол стал чашей для костей,
Так кости мастера в игре моей
Костяшками должны быть.

Леший

Так и надо,

Клянусь косою ведьмы!

Водяной

Ну, а он

Живехонек, здоров, могуч, силен...
Чуть слышу я, как бьет тяжелый молот,
Меня кидает тотчас в жар и в холод.

(Плаксиво.)

Кует он серьги, кольца ей, цепочки,
Целует плечи, грудь ее и щечки...

Леший

Клянусь моей козлиной бородой,
Ты одурел совсем! Ишь зуд какой

Из-за девчонки этой у него!
Не понимает старый ничего!
Как ни проси, ни плачь ты, дуралей,
Ни ты, ни я — никто не нужен ей.
Она не хочет — ну и плюнь, уйди:
Моря глубоки, свет велик, — найди
Себе русалочку и утешайся,
Неистовствуй, безумствуй, наслаждайся,
Живи себе в утеху, как паша,
И будет жизнь на диво хороша!
Тогда смотреть ты станешь равнодушно,
Как с ним в постель идет она послушно.

Водяной

Да я его убью...

Леший

А ведь она
В него, поди, до смерти влюблена.

Водяной

Я глотку прокушу ему.

Леший

И что ж?

Поверь, ее ты этим не вернешь.
Ведь бабушка горой за них, а ей
Плевать на нас, хоть век мы слезы лей.
Да, этой парочке теперь почтенье...
А впрочем, жди и наберись терпенья.

Водяной

Проклятье!

Леший

Время движется вперед,
Он человек, и хмель его пройдет.

Раутенделейн

(поет за сценой)

Жук качался на сучке,
Зум-зум.

В черно-белом скюртучке,
Зум-зум!

(Появляется.)

Ах, гости у меня! Ну, добрый вечер!
Ты золота намыл мне, Водяной?
Ты хвороста принес, мне, козлоногий?
Вы видите, какие у меня
Диковинки? Трудилась я прилежно —
Вот горный тут хрусталь, а вот алмаз,
Мешочек с золотым песком, смотрите,
И соты с медом... Ну и жаркий день!

Водяной

Да, жаркий день... а ночка будет жарче.

Раутенделейн

Быть может... Но холодная вода —
Твоя стихия. Так нырни в нее,
И охладишься сразу.

Леший хохочет как сумасшедший; Водяной безмолвно погружается в колодец и исчезает.

Не отстанет,
Пока не разозлишься.

Леший

(продолжает смеяться)

Ну и метко!

Раутенделейн

Подвязка у колена подогнулась
И режет ногу мне.

Леший

Дай, я поправлю.

Раутенделейн

Ну вот еще. Ах, Леший, уходи,
Приносишь ты с собой такую вонь,
И мухи тучей вьются вокруг тебя...

Леший

А мне они милее мотыльков,
Что над тобой снуют с пыльцой на крыльях,
Вползают в рот, трепещут в волосах,
А ночью льнут к груди твоей и бедрам.

Раутенделейн

(смеясь)

Смотри, какой! Ну, хватит.

Леший

Знаешь что?

Отдай-ка мне вот это колесо.

Оно откуда?

Раутенделейн

Сам ведь знаешь, плут.

Леший

Когда бы я повозки не сломал
Той, на которой колокол везли,
То сокол благородный в сеть твою
Вовеки б не попался. Так за это
Благодари и колесо отдай мне.
Бечевкой просмоленную его
Я обовью, зажгу да как пушу
С высокого обрыва вниз в долину,
Потеха будет!

Раутенделейн

И пожар в деревне!

Леший

Да, красный ветер, жертвенный огонь!

Раутенделейн

Не выйдет ничего. Ступай-ка прочь!

Леший

Так скоро? Вправду уходить? Постой,
Скажи-ка мне, чем занят мастер твой?

Раутенделейн

Творит он.

Леший

Вот уж, верно, будет чудо!
Весь день работе предаваться,
А ночью темной — целоваться!
Теперь мы поняли, каков
Секрет литья колоколов.
Стакнулся дол с горой, и вот
Ублюдок — их союза плод,
То ль полужверь, то ль полубог,
Он небесам живой упрек!
Пойдем в кусты со мною, фея,
Что может он — и я умею,
Один почет, как поглядишь,
Спасителя ведь не родишь!

Раутенделейн

Бродяга, зверь, тебя я ослеплю,
Затронь хоть раз того, кого люблю.
Послушай, что хочу тебе сказать я:
Он хочет нас избавить от проклятья,
И раздастся ночью оттого
Гром от ударов молота его;
Ведь прокляты — хоть ты не знал о том —
И мы, и вы, и всё у нас кругом,
Бессилен ты. Не сетуй же напрасно,
Дух мастера здесь царствует всевластно!

Леший

Ну, пусть! Привет супругу твоему,
Я в шахту как-нибудь спущусь к нему.
(Уходит, смеясь.)

Раутенделейн

(после краткой паузы)

Не знаю, что со мной. Так тяжело, душно...
Пойду я к глетчеру, там грот прохладный,
Немного освежусь водою талой,
Зеленой и холодной, как лед.

Я наступила на змею сегодня,
Она среди камней на солнце грелась.
Как жало высунет да зашипит...
Ах, душно мне! — Шаги! Кто там идет?

П а с т о р

(одетый в костюм горца, разгоряченный, едва переводя дух, появляется у дверей хижины)

Здесь, господин цирюльник! Лезьте вверх!
Еще немного... Да, был труден путь,
Зато теперь достиг своей я цели.
По воле божьей я пошел на это,
И труд мой был бы награжден сторицей,
Когда бы я сумел, как добрый пастырь,
Вернуть назад заблудшую овцу.
Смелей, идем!

(Входит.)

Что, есть здесь кто-нибудь?

(Замечает Раутенделейн.)

Ах, это ты? Ага! Я так и думал!

Р а у т е н д е л е й н

(бледная, со злобой)

Что вам здесь нужно?

П а с т о р

Погоди, узнаешь!

И очень скоро — бог свидетель будь.

Вот только дух переведу немного

И пот сотру. Но прежде расскажи,

Ты здесь одна?

Р а у т е н д е л е й н

А что тебе за дело?

П а с т о р

Скажи на милость! Право же, недурно!

Ты истинный свой облик показать

Сумела очень быстро. Что ж, так лучше,

Избавлен я от лишних разговоров...

Ты...

Раутенделейн
Человечишка, поберегись!

Пастор

(направляется к ней, молитвенно сложив руки)

Мне сделать ничего не можешь ты.
Я сердцем чист и тверд, я не боюсь.
И тот, кто телу дряхлому дал силы
Взойти сюда, наверх, к берлоге вашей,
Тот, знаю я, со мной. Ах ты, чертовка,
Тебе меня упорством не осилить,
Не расточай своих постыдных чар.
Ты в горы завлекла его.

Раутенделейн

Кого?

Пастор

Кого? Да мастера! Кого ж еще!
Его ты обольстила волшебством,
Бесовским зельем сладким опоила,
И побежал с тобой он, как щенок!
Такой примерный, честный человек,
До глубины души благочестивый,
Отец семейства! Боже милосердный!
И вдруг его какая-то девчонка
Хватает, заворачивает в фартук
И тащит за собой невесть куда
К великому стыду всех христиан!

Раутенделейн

Пусть я воровка, но ведь у тебя
Я ничего не крада.

Пастор

У меня?

О девка наглая! Да ты его
Украла у жены и у детей,
У человечества всего!

Раутенделейн

(внезапно изменившись, торжествуя)

Взгляни

Перед собой! Ты видишь, кто идет?
Ты слышишь поступь вольную его?
Ужели, глядя в Бальдеровы очи,
Ты позабыть о злобе не захочешь,
Не затрепещешь ты всем существом,
Как будто в танце страстном и живом?!
Лесной былинке здесь у нас — и той
Отраднa гибель под его ногой.
Царь, царь идет! Исполним же наш долг!
Ну, нищий, что ж ты? Почему умолк?

Появляется Генрих в живописном рабочем костюме.

Эйя, юхейя! Да здравствует мастер!
(Бежит к нему и бросается в его объятия.)

Об руку с Раутенделейн Генрих приближается к Пастору и узнает его.

Генрих

Добро пожаловать! Я очень рад!

Пастор

Ах, бог ты мой! Привет, достойный мастер!
Возможно ль? Он стоит могуч и крепок,
Подобно буку молодому, здесь!
А ведь недавно на одре болезни
Лежал разбитый, бледный и бессильный,
Был безнадежен. Я готов поверить,
Что в миг один вас милосердный бог
Всесильным дуновеньем исцелил,
Чтоб с ложа вы вскочили и плясали,
Ликуя и в кимвалы ударяя,
Пред господом, как некогда Давид.

Генрих

Да, верно.

Пастор

Истинно, вы — чудо.

Генрих

• Правда!

Иди, моя голубка, пастор должен
Отведать нашего вина.

Пастор

Нет-нет,

Благодарю, не нужно — не сегодня!

Генрих

Нет, принеси! Хорошее вино,
Ручаюсь вам. А впрочем — как хотите.
Присядьте же, прошу. С тех пор как я
Сумел с себя позор болезни сбросить,
Мы видимся впервые в этот вечер.
Не думал я вам первому поведать
Все начинанья спорные свои,
Но рад вдвойне. Я вижу в этом знак
Призванья вашего, любви и силы.
Я вижу, как вы мощною рукою
Убийственные пути долга рвете,
Чтоб отказаться от служенья людям
И бога отыскать.

Пастор

Хвала творцу!

Я чувствую, что вы остались прежним.
Нет, люди лгут у нас внизу, крича,
Что стали вы не тем, кем были прежде.

Генрих

Я тот, что был, но вместе с тем — другой.
Раскройте окна — бог и свет войдут.

Пастор

Прекрасная пословица!

Генрих

Нет лучше.

Пастор

Есть лучше, но и эта хороша.

Генрих

Коль захотите вы подать мне руку,
Клянусь я лебедем и петухом
И конской головой, что я приму
Ее, как руку дорогого друга,
И перед вами широко открою
Весну души своей.

Пастор

Откройте смело,
Как прежде. Вы ведь знаете меня.

Генрих

Да, знаю. Ну, а если и не знал бы
И если бы сейчас под маской друга
Сама бы низость предо мной сидела,
Которой захотелось поживиться
Щедротами души моей, — пусть так!
Ведь золото есть золото всегда,
И даже в грязном сердце лицемера
Оно не гибнет.

Пастор

А скажите, мастер,
Что это за диковинная клятва?

Генрих

Ах, петухом и лебедем?

Пастор

И даже
Послышалось мне — конской головой.

Генрих

Не знаю сам. Должно быть, флюгер вспомнил
На церкви вашей. Иль конек, быть может,
На крыше моего соседа Карга,
Иль в синем небе лебедь пролетал.
В конце концов, не важно — то иль это.
Вот и вино. Ну, а теперь я пью

Твое, и ваше, и мое здоровье
В прямом и глубочайшем смысле слова.

П а с т о р

Благодарю вас. И в ответ желаю
Здоровья исцеленному.

Г е н р и х

(расхаживая взад и вперед)

О да,

Я исцелен и возрожден. Во всем
Я ощущаю это. Грудь моя
Так мощно и свободно дышит, будто
Все силы мая я впитал в себя.
Они дошли до сердца моего,
И ставшая железною рука
В порыве творчества от нетерпенья
То разжимает, то сжимает пальцы,
Как ястреб когти в воздухе. А вы
Святыню видите в моем саду?

П а с т о р

Что именно?

Г е н р и х

Вон там. Другое чудо!
Смотрите же!

П а с т о р

Не вижу ничего.

Г е н р и х

Вот дерево в цвету. Оно похоже
На облачко закатное. Бог Фрей
Почил на нем. Приблизьтесь же к стволу,
Чтоб услышать, как от него исходит
Глубокий, сладостный и дивный шум.
То пчелы без числа с жужжаньем жадным
В цветах его душистый мед собирают.
Я знаю, с этим деревом я схож.
Как снизошел бог Фрей на эти ветви,

Так в сердце он проник ко мне, и тотчас
Цветами вспыхнула душа моя.
Где пчелы жаждущие? Пусть придут!..

П а с т о р

Ну дальше, дальше. Рад я слушать вас.
Собой и деревом в цвету хвалиться
Вы вправе. Но созреют ли плоды —
Известно только богу.

Г е н р и х

Верно, друг мой!
Все от него! Меня он сбросил в пропасть
На двадцать сажень — он же и вознес,
Чтоб мог теперь я расцвести свободно.
И цвет, и плод, и все, все от него,
Молите только, пусть он это лето
Благословит. То, что растет во мне,
Жить и созреть достойно! Это правда!
Еще ни разу о таком творенье
Я никогда не помышлял доселе.
Хочу создать игру колоколов!
Они и приходиться в движенье сами
И сами издавать свой звон должны.
Мне стоит руку к уху приложить,
Как тотчас слышу дивный перезвон.
Глаза закрою — и за формой форма
Всплывает предо мной; я осязаю
Их очертанья чистые. И знайте:
То, что сейчас я получил как дар,
Искал я прежде в муках несказанных.
Когда меня «счастливый мастер» звали,
Ни мастером я не был, ни счастливым,
Теперь я мастер, и теперь я счастлив!

П а с т о р

Я рад, когда вас мастером зовут,
Но странно мне, что сами вы себя
Зовете так... А для какой же церкви
Предназначается творенье ваше?

Генрих

Ни для какой.

Пастор

Но кто вам дал заказ?

Генрих

Тот, кто велел расти вот этой ели
Над бездной. Ваша церковка в горах
Разрушена голами и пожаром,
И потому высоко наверху
Хочу я заложить фундамент новый —
На новом основанье новый храм.

Пастор

О мастер, мастер! Я не стану спорить,
Но, право, мы не поняли друг друга...
Я думаю, короче говоря,
Что новый труд ваш будет так прекрасен...

Генрих

Прекрасен. Да.

Пастор

Игра колоколов...

Генрих

Зовите как хотите.

Пастор

Но дано

Названье это вами.

Генрих

Я назвал

То, что должно само себя назвать,
Что даст и может дать себе названье.

Пастор.

А кто платить вам будет за работу?

Кто будет мне платить? О пастор, пастор!
Вы что — хотите осчастливить счастье?
Вознаградить награду? Пусть зовут
Мою работу, как ее назвал я,
Игра колоколов! Но это будут
Колокола такие, я клянусь,
Каких не знали наши колокольни!
Их звон по силе будет равен грому,
Гремящему весною над полями,
И этот мощный грубный глас заставит
Умолкнуть все колокола другие.
Польется звон ликующий, победный
И миру возвестит рождение дня.
О праотец наш солнце! Возрастил ты
Своих детей, моих! Ты их вскормил!
Все — до былинки маленькой, взошедшей
Под теплыми потоками дождя,
Все, все они ликующий свой взор
На светлый путь твой в небе обратят.
И так же, как в земле вот этой серой,
Что стелется сейчас перед тобой
Зеленою и мягкой, — так во мне
Порыв к высокой жертве ты зажег,
И я всего себя тебе отдам!
О день рассвета! День, когда впервые
В моем цветущем храме прозвучит
Гром пробуждения — когда из тучи,
Зимой над нами грузно нависавшей,
Дождь проливной из бриллиантов хлынет
И миллионы рук, к нему простертых,
Зажженные магической силой
Бесчисленных камней драгоценных,
Богатство понесут в свои лачуги.
Возьмут знамена шелковые там,
Что ждали их — ах, долго-долго ждали,
И, с ними праздник солнечный встречая,
Пойдут, ликуя, пилигримы солнца.
Да, праздник! Пастор, вам известна притча
О блудном сыне. Солнце — наш отец —

Тот праздник даст своим заблудшим детям.
Колышется, вздымаясь, шелк знамен,
Стремятся толпы к храму моему,
И тут раздастся дивный перезвон,
У каждого исторгнув из груди
Рыдание. И запоют все песнь
Погибшую, забытую давно,
О родине, о детстве милом песнь,
Восставшую из сказочных глубин,
Всем ведомую, но еще ни разу
Не спетую никем. Она начнется
Так тихо, боязливо. Прозвучит в ней
Скорбь соловья, голубки воркованье,
И в каждом сердце разобьется лед,
А зависть, злоба, ненависть и горе
Растают в океане слез горячих.
Тем временем мы подойдем к кресту
Еще в слезах, но радостно ликуя,
И вот, освобожденный силой солнца,
Спаситель мертвый расправляет члены,
И вновь живой, со смехом, вечно юный,
Нисходит к нам в сиянии весны.

Генрих говорит со все возрастающим одушевлением, которое под конец переходит в экстаз. В волнении он ходит взад и вперед. Раутенделейн, трепеща от восторга и любви, со слезами на глазах опускается перед ним на колени и целует ему руку. Пастор следит за его речью с ужасом, который становится все более явным. В конце концов он овладевает собой. После некоторой паузы он начинает говорить с деланным спокойствием, которое, однако, скоро исчезает.

П а с т о р

Ну, милый мастер, выслушал я вас
И вижу — верно все до мелочей,
О чем с таким сердечным огорченьем
Почтенные твердили прихожане, —
Все — вплоть до сказки с колокольным звоном.
Сказать нельзя, как мне прискорбно это!
Но хватит громких слов. Сюда пришел я
Не потому, что ждал чудес от вас,
Нет, для того, чтоб вам помочь в беде.

Генрих

В беде? А разве я попал в беду?

Пастор

Проснитесь же! Проснитесь наконец!
Вам снится страшный сон, а пробужденье
Вам муки ада принесет, поверьте,
И, если только не удастся мне
Теперь вас божьим словом пробудить,—
Погибли вы навеки, мастер Генрих!

Генрих

Не думаю.

Пастор

Что сказано в писанье?
«Кого господь захочет погубить,
Того он поражает слепотою!»

Генрих

Захочет бог — ему вы не помеха!
Но если б я назвал себя слепым
Теперь, когда я полон светлых гимнов,
На облаке предутреннем покоюсь
И даль небес освобожденным взором
Впиваю жадно,— то достоин был бы,
Чтоб вечной слепотою поразил
Меня господь.

Пастор

Ну это, мастер Генрих,
Возвышенно уж слишком для меня.
Я человек простой, земное чадо,
И не силен в материях высоких,
Но знаю то, что позабыли вы:
Есть истина и ложь, добро и зло.

Генрих

Адам в раю не знал их тоже, пастор.

П а с т о р

Пустые, безрассудные слова!
Вам нечестивых дел не скрыть за ними,
Мне жаль, я пощадить хотел бы вас,
У вас жена и маленькие дети...

Г е н р и х

Ну, дальше...

П а с т о р

Вы от церкви отстранились,
Идете в горы и по месяцам
Не возвращаетесь в свой дом родной,
Где вас жена в печали ждет и дети
Льют слезы вместе с матерью своей.

Г е н р и х

(после продолжительного молчания, взволнованно)

О если б мог я осушить их слезы,
С какой бы радостью я сделал это,
Но невозможно, нет! И, размышляя
В тоскливые часы, я вижу ясно,
Что мне их скорбь уменьшить не дано.
Я весь любовь, я обновлен любовью,
Но от избытка всех своих богатств
Не смею я ее пустую чашу
Вином наполнить, потому что будет
Оно ей горькой желчью и отравой.
Как может тот ласкать лицо ребенка,
Чьи пальцы — когти ястреба? Да будет
Господь опорой им!

П а с т о р

Безумье, мастер!
Позорное безумье, говорю вам!
Я здесь стою, глубоко потрясенный
Чудовищно жестоким вашим сердцем.
Злой враг сумел вам нанести удар,
Надев личину бога... Да, признаюсь,
Сумел — и лучше чем когда-нибудь.

Что вы о замысле своем болтали?!
Великий бог! Ужели не приходит
Вам в голову, какая это мерзость!
Язычник худшей скверны не измыслит!
Да я готов скорей молить творца
Обрушить все египетские казни
На христиан, чем видеть этот храм
Ваала, Вельзевула и Молоха!
Одумайтесь! Придите же в себя!
Еще не поздно! Прочь гоните девку,
Распутницу, проклятую колдунью!
Прочь эту ведьму, этот дух бесовский,—
И тотчас же исчезнет наваждение,
И вы спасете душу от греха!

Генрих

Когда лежал в бреду я, близкий к смерти,
Она пришла, и был я исцелен.

Пастор

Смерть лучше, чем такое исцеленье!

Генрих

Вы думайте об этом, как хотите,
А мне — мне новая открылась жизни!
И этой жизнью я обязан ей,
До гроба я должник ее...

Пастор

Довольно!

Вы слишком глубоко во зле погрязли,
Ад вами разукрашен словно небо,
Он цепко держит вас. Я умолкаю,
Но знайте — для еретиков и ведьм
Еще горят, как в древности, костры.
Vox populi — vox dei¹! Вам не скрыть
Языческих и тайных дел от нас.
Они рождают ужас, будят гнев.
Случиться может так, что возмущенья

---

¹ Глас народа — глас божий! (Лат.)

Сдержать нельзя уж будет и народ,
В своей святине оскорбленный вами,
Поднимется, чтоб защитить ее,
Толпой ворвется в вашу мастерскую
И беспощадно все до тла разрушит!

Генрих

(после некоторого молчания, спокойно)
Гм... А меня ведь вы не испугали.
Когда к тому, кто жаждою томим,
Я приближаюсь с чашею вина,
А он из рук моих кувшин и чашу
Одним ударом выбьет — что ж, и пусть,
Как видно, таково его желанье
Или судьба! Моей вины тут нет.
Я жаждой не томим, я пил! Но, если
Тот, кто обманывает сам себя,
Проникнется слепой и жгучей злобой
Ко мне, кто напоить его хотел,
И если грязь поднимется из тьмы,
Чтоб погасить огонь души моей,—
Я все равно самим собой останусь.
Я знаю, что́ хочу и что́ могу!
Ведь мне не раз случалось разбивать
Колоколов уже готовых формы,
Так я еще раз молот подниму
И колокол отлитый кое-как
Искусством черни из пороков, злобы,
Тщеславья, желчи и всего дурного
Лишь для того, чтоб глупость пела в нем,—
Я превращу во прах одним ударом!

Пастор

Что ж, в добрый час! Я все сказал. Прощайте!
Исторгнуть плевелы грехов из вас
Никто не в силах. Да спасет вас бог.
Скажу одно лишь: есть такое слово —
Раскаянье. И вот настанет день,
Когда тебя в разгар мечтаний грешных
Стрелой оно ударит прямо в сердце!
Ты не погибнешь, но и жить не будешь!

Тогда себя, и жизнь, и труд, и бога
Ты проклянешь... и вспомнишь обо мне.

Генрих

Когда б я, пастор, захотел представить
Себе виденья страшные, то смог бы
Получше их изобразить, чем вы.
Тому, что вы сказали, не бывать!
От ваших стрел я огражден, они
Меня не могут даже оцарапать,
Как никогда не сможет зазвучать
Тот старый колокол, что в бездну рухнул
И в озере теперь лежит на дне.

Пастор

Он зазвучит, и ты его услышишь!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же плавильня, что и в третьем акте.

В скале справа пробит проход, ведущий в пещеру. Налево открытый кузнечный очаг с мехами и дымоходом. В горне горит огонь.

Неподалеку от очага наковальня.

Генрих клещами держит на наковальне кусок раскаленного железа. Около него шесть маленьких гномов в одежде рудокопов. Первый гном держит вместе с Генрихом клещи. Второй гном бьет большим кузнечным молотом по раскаленному железу. Третий гном раздувает мехами огонь. Четвертый гном, не двигаясь, с напряженным вниманием наблюдает за работой. Пятый гном стоит в ожидании; в руках у него дубинка, и он, видно, готов нанести ею удар. Шестой гном сидит на возвышении, на небольшом троне; на голове у него блестящая корона.

Вокруг разбросаны выкованные и отлитые части, архитектурные украшения и фигуры.

Генрих

Бей-бей, пока рука не онемееет,
Твой визг меня не трогает, лентяй.
А не ударишь столько, сколько надо, —
Спалю тебе я бороду на горне.

Второй гном бросает молот.

Я так и знал! Ну погоди, мошенник!
Уж если я грозил, так не на шутку.

Генрих держит визжащего и барахтающегося гнома над очагом. Гном, раздувающий меха, начинает работать еще усерднее.

Первый гном

Я больше не могу. Рука немеет.

Генрих

Иду.

(Второму гному.)

Ну как, теперь собрался с силой?

Второй гном весело кивает головой, хватая молот и усердно бьет им изо всех сил.

Клянусь я лебедем и петухом,
(Снова хватая клещи.)

Вас распускать нельзя. Да ни один
Кузнец не мог бы закруглить подкову,
Работая с ленивцами такими!
Ударят раз и думают о том,
Чтоб больше не ударить никогда.
Уж я не говорю, что верить нужно
В свою работу, чтобы делать все
Бесчисленные пробы и поделки,
Которых требует достойный труд.
Ну, бей! Куют горячее железо,
Холодное не гнется. Что ты там?

Первый гном

(в приливе усердия пытается рукой придать форму раскаленному железу)

Хочу рукой придать железу форму.

Генрих

Отчаянный ты малый, как я вижу!
Ты хочешь руки в пепел превратить?
Да как я буду строить без тебя,
Потомок Велунда? Как мне удастся
Строение великое воздвигнуть,
Которое хочу поставить так,
Чтоб вознеслось оно свободно в воздух
И куполом своим коснулось солнца?

Первый гном

Готова форма. И рука цела;
Чуть омертвела только — вот и все.

Генрих

Скорей к колодцу! Водяной тебе
Пусть охладит зеленой тиной пальцы.

(Второму гному.)

Заканчивай, бездельник, насладись
Ты отдыхом заслуженным теперь.
А я взгляну на то, что создал нынче,
Пусть это будет мастеру наградой.

*(Берет только что выкованный кусок железа, садится
и рассматривает его.)*

Отлично! Превосходно! Добрый гений
Труды мои успехом увенчал.
Да, я имею право быть довольным.
Из массы грубой форма родилась,
Из хаоса — сокровище возникло
То самое, в котором мы нуждались;
Все гармонично в нем; мы им дополним
Незавершенное творенье наше.
Что ты мне шепчешь?

Четвертый гном, взобравшись на стул, что-то шепчет Генриху.

Прочь, лукавый дух!

Не то я по рукам и по ногам
Свяжу тебя и кляпом рот заткну.

Гном отбегает в сторону.

Что в этой части не согласно с целым?
Ну что тебе не нравится? Ответь,
Коль говорят с тобой. Я никогда
Так счастлив не был, как сейчас. Ни разу
Моей руке творить не удавалось
В таком согласье с замыслом моим.
Что осуждаешь ты? Иль я не мастер?
Со мной равняться хочешь, подмастерье?
Ну, подходи! Скажи ясней, что хочешь?

Гном снова подходит к нему и шепчет.

*(Бледнеет, вздыхает, встает и в бешенстве бросает
готовую работу на наковальню.)*

Так пусть же черт работу эту кончит!
А я начну сажать картофель, репу!
Есть, пить, и спать, и смерти ждать своей.

Пятый гном подходит к наковальне.

Эй ты, не смей, не троны! Мне дела нет,
Что кровью налилось твое лицо
И волосы от злобы стали дыбом,
А взор зловещий смертью мне грозит!
Поддайся я тебе, убийца грязный,
Не удержи тебя рукою твердой, —
Мне лишь одно останется — склониться
И ожидать, как милости, удара
Твоей дубинки!

Пятый гном в ярости разбивает на наковальне готовую поковку.

(Скрежещет зубами.)

Что ж, пусть так, идите!
Бросайте все. Сегодня отдохнем!
Коль утро силы новые мне даст,
Как я надеюсь, — вас тогда я кликну.
Ваш труд не радует меня сегодня,
Идите! Эй ты, у мехов! Едва ли
Железо будет нужно мне. Ступай!

Гномы, за исключением того, что в короне, убегают через проход,
пробитый в скале.

А ты, в короне? Ты, что нарушаешь
Раз в жизни лишь молчание свое, —
Чего стоишь и ждешь? Иди за ними.
Ведь слова ты не скажешь своего
Ни завтра, ни сегодня, — а когда
Его ты скажешь — богу лишь известно!
Конец!.. Когда ж конец? Я так устал...
Вечерний час, я не люблю тебя,
Ты, существуя между днем и ночью,
Ни дню, ни ночи не принадлежишь.
Из рук моих ты выбиваешь молот,
Сна не даешь, — а отдых только в нем.
Исполненное нетерпенья сердце
Томится ожиданьем и скорбит

О новом дне. В сиянии багряном
Нисходит солнце вглубь... И мы — одни.
Привыкнув к свету, мы дрожим бессильно
И, обнищавшие, встречаем вечер.
Мы днем цари, а ночью — бедняки,
Когда мы спим, лохмотья наш покров.

(Вытягивается на ложе и грезит с открытыми глазами.)

Белый туман проникает сквозь открытую дверь. После того как он рассеивается, из колодца показывается Водяной.

Водяной

Кворакс! Брекекекекс! Он отдыхает
В своей лачуге — мастер, червь земной,—
Не видит и не слышит ничего.
А привиденья с гор ползут, как тучи
Горбатые и серые в тумане,
И то грозят безмолвно кулаком,
То жалобно заламывают руки.
Не слышит он ни стога чахлой ели,
Ни тихого и злого свиста эльфов,
Такого, от которого дрожат
Все иглы у сосны седой в испуге,
Когда она себя ветвями бьет,
Как птица крыльями... Ага! Он зябнет,
Его пробрало холодом до мозга
Костей, но все же продолжает он
Работать и во сне. Оставь! Оставь!
Напрасно вздумал ты тягаться с богом!
Тебя призвал он на борьбу, но, видя,
Что слаб и жалок ты,— тебя отверг!

Генрих ворочается и стонет.

Бесцельны жертвы: грех всегда есть грех!
Благословенья бог не дал тебе,
Не захотел твой грех заслугой счесть,
Не превратил возмездия в награду.
Ты полн пороков, ты испачкан кровью,
И не сумеет никакая прачка
Отмыть твою одежду добелá.
В сырых ущельях стаи черных эльфов

Сбираются на дикую охоту,
Они уже почуяли добычу!
Туманы-исполины воздвигают
В прозрачном небе облачные замки,
Чьи мрачные и грозные громады
Уже ползут к тебе неотвратимо,
Чтоб раздавить тебя, твой труд, твой мир...

Генрих

О Раутенделейн, ко мне, ко мне!
Мне душно, тяжело...

Водяной

Она услышит,
Она придет к тебе, но не поможет!
И, будь она хоть Фрейя, будь ты Бальдер,
Который носит солнечные стрелы
В своем колчане и стреляет ими
Без промаха в намеченную цель,—
Ты все равно погибнешь. Слушай, мастер.
Колокол старый ушел в глубину,
Под песком и галькой лежит,
Но рвется он в вышину,
Туда, где звезда блеснит.
Юркнул рыбы в него и уносятся прочь,
А моя младшая зеленокудрая дочь
Со страхом обходит его стороной,
От боли и жалости плача порой.
Колокол начал так странно звучать,
Будто во рту его — кровь;
Дрожит он, подняться пытается вновь!
Бойся его услышать!
Дин-дон!
Боже, прерви его сон.
Дин-дон!
Сумрак опасность таит,
Колокол смертью грозит.
Дин-дон!
Боже, прерви его сон.

(Погружается в колодец.)

Генрих

На помощь! Помогите! Помогите!
Меня кошмары душат!

(*Просыпается.*)

Что со мной...

Куда попал я...

(*Протирает глаза и озирается.*)

Есть тут кто-нибудь?

Раутенделейн

(*появляясь в дверях*)

Я здесь! Ты звал меня?

Генрих

Поди сюда!

На лоб горячий положи мне руку,
Вот так... Я должен чувствовать тебя,
Волну твоих волос и трепет сердца!
Иди ко мне! Поближе! Ты приносишь
Лесную свежесть, запах розмарина.
Целуй меня!

Раутенделейн

Любимый, что с тобой?

Генрих

Не знаю сам... Я тут лежал, озяб...
Укрой меня теплей... Я изнемог,
Устало сердце... Ослабев, лежал я...
Ворвались силы темные ко мне
И мучили меня... Я стал их жертвой...
Но все прошло... Все снова хорошо,
Все хорошо, дитя. Я вновь силен!
Пускай приходят!

Раутенделейн

Кто?

Генрих

Враги.

Раутенделейн

Какие?

Генрих

Все безыменные враги мои!
Я твердо на ногах еще стою
И не боюсь, хоть он, пока я спал,
Ко мне подполз коварно, как гиена.

Раутенделейн

Ты бредишь!

Генрих

Пустяки. Знобит немного...
Пройдет. Ну обними скорей меня.

Раутенделейн

Мой милый, дорогой!

Генрих

В меня ты веришь,
Скажи, дитя?

Раутенделейн

Ты — Бальдер! Рыцарь солнца!
Как бледен ты! Хочу поцеловать
Я брови белокурые твои,
Которые над синевою глаз
Дугой очерчены...

Генрих

Так Бальдер я?
Заставь меня поверить в это. Влей
Желанное мне в душу упоенье,
В котором так нуждаюсь я сейчас.
Рука должна трудиться неустанно,
Должна клещами, молотом работать,
Водить резцом и мрамор рассекать.
Но иногда одно не удается,
Другое не выходит и упорством

Любую мелочь надо брать,— тогда
Теряешь вдохновение и веру;
Тоска вползает в сердце, гаснет взор,
И из души уходит светлый образ,
Растаяв в повседневной суете.
Небесный дар ведь так легко утратить,
Он солнцем дышит весь и чужд цепей.
С ним исчезает вера, и стоишь ты
Обманутый, исполненный соблазна
Страхнуть с себя все муки завершения,
Сокрытые от взора твоего
В божественно-блаженный миг зачатья.
Но полно! К небесам еще восходит
Моей высокой жертвы чистый дым,
А если выше будет он отвергнут,
Что ж — воля неба! С плеч моих тогда
Священные одежды ниспадут.
Не я их сброшу — нет. И в этот миг,
Хоть я и выше всех других стоял,—
Сойду с Хорива твердо и в безмолвье.
Теперь же света! Факелы несите!
Волшебница, яви свое искусство!
Дай твоего вина мне! Будем смело
Мгновения изменчивого счастья
Ловить с тобою, как простые люди.
И лучше мы досуг невольный свой
Наполним жизнью, а не праздной ленью,
Ведь лень удел толпы, что расточает
За днями дни. Пусть музыка звучит!

Р а у т е н д е л е й н

Я по горам летала, мой любимый,
То паутинкою неслась по ветру,
То по цветам, как мотылек, порхала
И с каждого растеньица, травинки,
И колокольчика, и горицвета,
И анемоны — словом, ото всех —
Взяла я клятву зла тебе не делать.
Теперь и черный эльф — твой враг заклятый —
Напрасно будет на тебя, мой светлый,
Оттачивать смертельную стрелу.

Генрих

Смертельную стрелу? Что за стрела?
Ах, знаю — призрак! Он ко мне явился
В одежде пастора. Простерши руку,
Стал угрожать смертельной стрелой,
Которая вонзится в сердце мне.
Но кто метнет в меня стрелу такую?
Скажи мне, кто?

Раутенделейн

Никто, никто, любимый!
Ты заколдован — слышишь? — заколдован.
Ты лишь мигни мне, лишь кивни — и тотчас,
Как дым, взвываются волны нежных звуков,
Замкнут тебя звучащею стеною
И сквозь нее к тебе не долетят
Ни крик людской, ни колокольный звон,
Ни хитрые и злые козни Локки.
Подашь ты мне едва заметный знак —
И средь ущелий пышный зал возникнет,
Нас гномы окружают с жужжаньем тихим,
Накроют стол, украсят пол и стены.
Пока нам силы злобные грозят,
Уйдем с тобою вглубь, в земные недра,
Туда, где ни один гигант не сможет
Коснуться нас дыханьем ледяным.
Заблещут в зале тысячи огней...

Генрих

Оставь, дитя! Что мне волшебный праздник,
Когда безмолвно, буднично стоит
Творение мое в руинах жалких
И ждет, когда сумеет возвестить
О празднике из праздников, ликуя.
Я рвусь туда, хочу увидеть зданье,
С которым я железной цепью связан.
Возьми же факел, посвети! Скорей!
Не дремлют тайные враги мои,
Я чувствую, подкапывает кто-то
Фундамент зданья; значит, мастер должен

Трудиться и об отдыхе забыть.
Когда ж он завершит свою работу
И чудо сокровенное пред всеми
Предстанет наконец — все из металла,
Слоновой кости, золота и камня —
В победной завершенности своей,
Оно всегда таким в веках пребудет.
На всем же незаконченном лежит
Печать проклятия иль даже хуже —
Насмешкою становится оно!
(Хочет уйти, но в дверях останавливается.)
Что ж ты стоишь, дитя? Идем, не надо,
Я знаю, боль тебе я причинил.

Раутенделейн
Нет-нет!

Генрих
Но что с тобою?

Раутенделейн
Ничего.

Генрих
Бедняжка! Знаю, что тебя печалит.
Ребенок ловит пестрых мотыльков,
Губя со смехом то, что нежно любит.
Но я ведь больше мотылька!

Раутенделейн
А я
Не больше разве, чем такой ребенок?

Генрих
Конечно, больше! И, забыв об этом,
Забыл бы я весь смысл, и свет, и радость
Существованья моего. Идем!
Сверканье влаги у тебя в глазах
О боли говорит, что причинил я.
Тому виною мой язык — не я,
Чье сердце лишь любви к тебе полно.
Не надо плакать. Ну пойдем! Меня

На новую игру ты вдохновила
И в руку золото вложила мне
На ставку новую в борьбе с богами!
О, в этот миг я чувствую себя
Таким богатым, так захвачен я
Загадочной твоею красотой,
Что в изумлении стремлюсь постигнуть
Ее — непостижимую — и муку
Испытываю, близкую к блаженству.
Вперед! Свети мне!

Л е ш и й

(кричит за сценой)

Хольдрио! Сюда!
Наверх! Какого черта вы застряли?
Испепелим Ваалов этот храм!
Смелее, пастор! Господин цирюльник!
Вот здесь солома, хворост и смола.
А мастер Генрих со своею феей
Целуется и нежится в постели
И в ус себе не дует.

Г е н р и х

Мне сдается,
Что ты, болван, объелся белены!
Чего орешь в тумане ночью, дурень?
Ну, берегись!

Л е ш и й

Тебя?

Г е н р и х

Меня, конечно!
Вот оттреплю за бороду тебя я,
Невежа козлоногий. Я ведь знаю,
Как с вашим братом надо обращаться!
Я покажу тебе, козел, обжора,
Кто здесь хозяин. Я тебя скручу,
И остригу, и на меня работать
Заставлю. Что? Да ты посмел заржать?
Смотри, вот наковальня, вот и молот

Достаточно тяжелый, чтоб тебя
Избить до полусмерти.

Леший

(поворачивается к нему задом)

На, ударь!

Черт побери! Ну, размахнись и бей!
Бывало уж не раз, что острый меч,
Направленный ревнителями веры,
Меня лишь пощекочет, превращаясь
Тотчас же в палку. На-ка, посмотри,
Тут у меня такая наковальня,
Что об нее, как глина иль навоз,
Твое железо сразу разлетится.

Генрих

Ну, это мы, уродина, посмотрим!
Да будь ты стар, как лес зарейнских гор,
И так силен, как дерзок и хвастлив,—
Поверь, тебя на цепь я посажу,
Таскать мне воду, хижину мести,
Ворочать камни я тебя заставлю,
А коль начнешь лениться — будешь бит!

Раутенделейн

Но, Генрих, он тебя остерегает!

Леший

Идет! Ведь я потешиться не прочь!
Я буду здесь, когда они тебя
Потащут, как теленка, на костер!
Я бочки масла, серы и смолы
Им прикачу. Пусть огонек готовят
Такой, чтоб ясный день померк от дыма.

Из глубины доносятся крики и рев множества голосов.

Раутенделейн

Ты слышишь? Люди! Голоса людские!
Ужасный крик! Они грозят тебе.

В Раутенделейн попадает камень.

На помощь, бабушка! Скорей!

Г е н р и х

Ах вот как!

Мне снилось, что гналась за мною свора!
Но псам не затравить меня! Я рад
Услышать этот рев. Когда бы ангел
Сюда спустился с лилией в руках
И умолял меня быть твердым, стойким,
Он убедить меня не смог бы лучше
В великом смысле моего труда,
Чем этот злобный вой. Сюда! Скорей!
Воздастся по заслугам вам! Идите!
Вас защищать от вас самих я буду!
Вот мой девиз!

(Убегает.)

Р а у т е н д е л е й н

(одна, в тревоге)

Ах, бабушка лесная,
На помощь! Помоги мне Водяной!

Из колодца подымается В о д я н о й.

Ах, милый Водяной, прошу тебя!
Спусти по скалам воду вниз потоком
И свору эту прогони. Ну, сделай...

В о д я н о й

Брекекекекс! Что должен сделать я?

Р а у т е н д е л е й н

Смой в пропасть их потоками воды.

В о д я н о й

Нет, не могу!

Р а у т е н д е л е й н

Ну сделай! Ты же можешь.

В о д я н о й

А сделаю — какой мне в этом прок?
Мне ненавистен этот мастеришка,

Над богом и людьми царить он хочет...
Толпа взбесится и его погубит,
А мне и на руку.

Раутенделейн

Ну поспеши
И помоги — иль будет слишком поздно!

Водяной

Скажи, а что ты мне за это дашь?

Раутенделейн

Что дам тебе я?

Водяной

Да.

Раутенделейн

А что ты хочешь?

Водяной

Чего хочу? Тебя! Брекекекекс!
Со смуглых плеч одежду сбрось — и вниз,
Такой как есть, сюда ко мне явись,
Без красных башмачков твоих и платья,
За сотни миль хочу тебя умчать я.

Раутенделейн

Смотри-ка! Как он все умно придумал!
Раз навсегда запомни: эти мысли
Из водяной башки своей ты выкинь!
Да если даже бабушки лесной
Годами станешь втрое старше ты
Иль в раковину, устрице подобно,
Меня упрячешь, — я ручной не буду!

Водяной

Так! Значит, он погибнет.

Раутенделейн

Нет. Ты лжешь!
Я знаю, лжешь! Ты слышишь клич его?

Да, это прежний голос — вам знакомый.
А, задрожал!.. Ты думаешь, не вижу?

Водяной скрывается. Появляется Генрих. Он возбужден борьбой, смеется дико и торжествующе.

Генрих

Как псы, накинулись они — как псов,
Я их прогнал горячей головней!
На них швырял гранитные я глыбы,
Кто не погиб — бежал. Дай мне напиток...
Борьба живет, победа закаляет,
Не утомляет битва. От нее
Становишься сильнее в десять раз
Для ненависти и любви.

Раутенделейн

Пей, Генрих!

Генрих

Да-да, дитя, давай... Я снова жажду
Вина, любви, и света — и тебя.

(Пьет.)

Пью за тебя, мой легкокрылый дух.
Напитком этим обручаюсь вновь
С тобою я. Кто хочет созидать,
Тому нельзя с тобою разлучаться —
Погибнет он: не сможет никогда
Преодолеть земного тяготенья.
Дитя, ведь ты — крыла моей души,
Так не сломайся же, молю тебя.

Раутенделейн

Нет, если сам меня ты не сломаешь.

Генрих

Избави бог! — Эй, музыки!

Раутенделейн

Сюда,
Мой маленький народ! Из подземелий,

Из ям и трещин, из глухих ущелий!
Коснитесь струн! Играйте, флейты, скрипки!

Музыка.

Плясать я буду, стан склоняя гибкий.
Вот светлячка зеленого, танцуя,
На волосы золотые положу я,
И блеск его над головой моею
Затмит сверканье ожерелья Фрейи.

Генрих

Постой! Молчи! Мне...

Раутенделейн

Что?

Генрих

Не слышишь ты?

Раутенделейн

Чего не слышу я?

Генрих

Нет, ничего.

Раутенделейн

Любимый, что с тобою?

Генрих

Я не знаю...

В журчанье музыки твоей проник
Вдруг чей-то голос... Стон...

Раутенделейн

Но что за стон?

Генрих

Печали звук... Давно похороненный...
Но это ничего... Поди ко мне
И протяни мне чашу уст пурпурных,
Которую до дна не осушить.
Блаженства чашу дай — и я забудусь.

Целуются. Долгая блаженная пауза. Потом, крепко обнявшись, они
останавливаются в дверях, захваченные открывшимся перед ними
величественным миром гор.

Смотри: обширна, необъятна даль,
И глубина ее внизу прохладна,
Внизу — где люди. Человек и я.
Поймешь ли ты, дитя? Я там, в долине,
Чужой — и свой; и здесь, у вас в горах,
Чужой и свой... Ты понимаешь?

Раутенделейн

Да.

Генрих

Ты отвечаешь, а глядишь так странно.

Раутенделейн

Мне страшно.

Генрих

Отчего?

Раутенделейн

Сама не знаю.

Генрих

Ну, все пройдет. Идем же, отдохнем.

(Подводя ее к проходу в скале, снова внезапно останавливается и оборачивается назад.)

О, лишь бы эта бледная луна,
Что там повисла, белая, как мел,
Из неподвижных глаз не изливала
На все вокруг печальный тихий свет;
Пускай во тьме пребудет та долина,
Откуда я пришел. Ведь то, что скрыто
Седым туманом, видеть я не должен.
Вот, слушай... Нет... Ты ничего не слышишь?

Раутенделейн

Нет. Не пойму, о чем ты говоришь!

Генрих

Ты все еще не слышишь?

Раутенделейн

Что мне слышать?

Я слышу, как трава шуршит под ветром
И жалобно кричит сарыч; я слышу,
Как говоришь ты странные слова
Далеким, странным голосом, чужим.

Генрих

Там... там... внизу... кровавый свет луны
Ты видишь... отражается в воде.

Раутенделейн

Я ничего не вижу.

Генрих

Ты не видишь?

Ты, зоркая, как сокол? Ты слепа?
Что там ползет так медленно и тяжело?

Раутенделейн

То призраки, лишь призраки!

Генрих

О нет,

Нет, то не призраки. Я в это верю,
Как верю в то, что бог простит меня, —
Гляди, они взбираются на камень,
Что на тропинке...

Раутенделейн

Не смотри ты вниз!

Закрою вход, спасу тебя я силой.

Генрих

Оставь, я говорю тебе, оставь!
Я должен видеть, я хочу!

Раутенделейн

Смотри,

Как в котловине бешено кружатся

Седые облака водоворотом,
Ты ослабел, нельзя вступать в их круг...

Генрих

Я ослабел? О нет! Ах... все прошло...

Раутенделейн

Ну, вот и хорошо. Так будь же вновь
Ты мастером и нашим властелином.
Рассеет жалкий призрак мощь твоя,
Берись за молот, пусть он вновь звучит.

Генрих

Но погляди, они все выше, выше...

Раутенделейн

Где?

Генрих

Там, смотри, на узкой горной тропке,
В одних рубашках...

Раутенделейн

Где?..

Генрих

Босые дети

Несут кувшин... и так он им тяжел,
Что маленькое голое колено
То вдруг один подставит, то другой,
Чтоб поддержать сосуд.

Раутенделейн

О мать, ко мне,

Не дай ему погибнуть! Помоги!

Генрих

Вокруг головок их сиянье видно...

Раутенделейн

Ты огоньком блуждающим обманут!

Генрих

Нет-нет... Прикрой глаза рукою... Видишь?
Идут... идут... Вот, здесь они...
(Опускается на колени.)

В это время робко появляются призраки двух детей, с трудом несущих кувшин. Они в одних рубашках.

Первый ребенок
(замирающим голосом)
Отец!

Генрих

Да, мальчик мой...

Первый ребенок
Поклон тебе от мамы.

Генрих

Спасибо, милый... Как, ей хорошо?
Скажи.

Первый ребенок
(медленно и печально, подчеркивая каждое слово)
Теперь ей очень хорошо.

Из глубины доносится едва слышный удар колокола.

Генрих

А что вы принесли?

Второй ребенок
Кувшинчик.

Генрих

Мне?

Второй ребенок
Да, дорогой отец.

Генрих
А что в кувшине,
Мой мальчуган?

Второй ребенок
Соленое в нем что-то.

Первый ребенок
И горькое.

Второй ребенок
Там слезы нашей мамы.

Генрих
Великий бог!

Раутенделейн
Куда ты смотришь так?

Генрих
На них... на них...

Раутенделейн
Ответь мне: на кого?

Генрих
Иль у тебя нет глаз? На них! — Скажите,
Где ваша мама?

Первый ребенок
Мама?

Генрих
Где она?

Второй ребенок
Она лежит среди лилий водяных.

Генрих
Ах, колокол...

Раутенделейн
Что? Колокол? Какой?

Генрих

Тот старый, потонувший... он звучит!
Я слышать не могу... я не хочу!
Кто сделал это? Кто? О, помоги!

Раутенделейн

Приди в себя! Опомнись! Генрих! Генрих!

Генрих

Он зазвонил!.. Мой бог!.. Кто это сделал?
Ты слышишь, стонет погребенный звук,
Гремит, растет, всплывает вверх — вот стихнул
И вновь гремит с удвоенною мощью.

(К Раутенделейн.)

Презренная! Тебя я ненавижу!
Прочь! Я тебя ударю, дух бесовский!
Распутница! Проклятие тебе!
Проклятье мне и моему труду!

Я здесь... Я здесь! Иду. О боже, сжался!

*(Устремляется вперед, ноги отказываются служить ему:
он снова поднимается и, шатаясь, уходит.)*

Раутенделейн

Опомнись, Генрих!.. Все прошло, прошло...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Горная лужайка с хижинкой Виттихи, как и в первом действии. Время после полуночи. Вокруг колодца сидят три феи.

Первая фея

Огни пылают!

Вторая фея

Красный ветер жертвы
В долину веет с гор.

Третья фея

И черный дым,
Клубясь, касается вершущек елей
И вниз ползет.

Первая фея

А в глубине ложится
Седая мгла. И скот стоит, увязнув
По горло, в мягком озере тумана
И с жалобным мычаньем рвется в хлев.

Вторая фея

Запел в кленовой роще соловей;
Был поздний час — так пел он, так рыдал,
Что я в тоске на влажную листву
Упала, горько плача.

Третья фея

Это странно!
А я спала на тонкой паутинке, —

Меж венчиками трав она тянулась,
Сплетенная из красных нитей дивно
И мягкая, как ложе королевы.
На ней спала я мирно. Луг сверкал
Серебряной росой в заре вечерней,
Бросая на меня свой ясный отблеск,
А я, сомкнув усталые глаза,
Спала блаженно. И, когда проснулась,
В просторах дальних свет уже угас,
И сумрак ложе обволок мое.
Лишь на востоке тусклый свет виднелся
И тлея, пока не поднялась луна,
Как глыба раскаленного металла,
Над каменистыми хребтами гор.
И от косых лучей кроваво-красных,
Мне показалось, ожил луг... Так странно!
Я услышала шепот, вздохи, стоны
И жалобы тончайших голосков,
Наперебой звучащих в тишине.
Мне страшно стало! Позвала жучка я,
Который нес фонарик изумрудный,
Но пролетел он мимо. Я лежала,
Не зная ничего, в тоске и страхе,
Пока не прилетел дружок мой эльф
На крыльях стрекозы — ах, издалека
Я слышала звон крылышек его.
Мы обнялись и ложе разделили,
Но тяжело он вздохнул, меня целуя,
Прижал меня к себе и так заплакал,
Что слезы полились на грудь мою,
И прошептал он мне, рыдая: «Бальдер...
Наш Бальдер умер...».

Первая фея

(поднимаясь)

Вот огни пылают...

Вторая фея

(тоже поднимаясь)

То погребальный Бальдера костер.

Третья фея

(медленно направляясь к лесной опушке)
Он умер... Стало холодно...

Первая фея

Над миром,
Как дым от погребального костра,
Летит проклятье!.. Страшная пора!

Густой туман застилает горы. Когда вновь становится светло, фея уже нет.

С гор спускается измученная и скорбная Раутенделейн. Она устало садится, снова встает и приближается к колодцу. Голос ее замирает и гаснет.

Раутенделейн

Куда же? Куда? Я на свадьбе была,
И гномы шумели вокруг стола,
И чашу мне дали, но вместо вина
Алою кровью сверкала она.

Я выпить должна была чашу.
Как только я выпила это питье,
Забилось от ужаса сердце мое,
Железные пальцы сдавили его,
И сердце сгорело, и сердце мертво.

Пусть в сердце моем будет холод.
Корона лежала на брачном столе,
Как рыбка меж красных кораллов во мгле.
Корону надела на голову я,
И вот, Водяной, я невеста твоя.

Пусть в сердце моем будет холод!
Достались три яблока мне чередою
Белое, алое и золотое,

То были к свадьбе подарки.
Я белое съела — и побледнела,
Потом золотое — и разбогатела,

И алое съела третьим.
Невеста румяна, бела и бледна;
Но мертвой на свадьбе сидела она.
Эй, Водяной, отвори — я иду
И мертвую, видишь, невесту веду

Меж рыбок, и змей, и камней — в глубину,
В холод смертельный и страшный — ко дну...
О сожженное сердце мое!
(*Опускается в колодец.*)

Из лесу появляется Леший, подходит к колодецу и кричит в него.

Л е ш и й

Хей! Хольдрио! Лягушачий король!
Всплывай наверх, проклятый мокрохвост!
Ты что, не слышишь? Спишь, зеленобрюхий?
Иди, я говорю! Пусть даже рядом
Лежит с тобой красавица русалка
И чешет бороду тебе — иди!
Оставь ее, ступай. Не пожалеешь!
Ведь то, что я узнал, черт побери,
И рассказать хочу — десятка стоит
Твоих любовных водяных ночей.

В о д я н о й

(*невидимый, в колодеце*)

Брекекекекс!

Л е ш и й

Ну лезь! Что там такое?

В о д я н о й

Мне некогда! Оставь меня в покое!

Л е ш и й

Ишь, некогда! Успеешь жабье брюхо
Ты отрастить еще. Подставь-ка ухо,
Ты, головастик, — слушай мой рассказ:
Что я пророчил — все сбылось как раз.
Ее он бросил! Покажи-ка прыть
И мотылька попробуй изловить.
Помят он, чуть подпортили его,
Да Водяному с Лешим — что с того!
Короче, если ты не оплошаешь,
Найдешь побольше в ней, чем ожидаешь.

Водяной

(смеется и лукаво подмигивает)
А мне-то что? Ее он бросил? Так...
Но я за ней не двинусь ни на шаг!
К чему?

Леший

Тебе она уж не нужна?
Хотел бы знать тогда я — где она.

Водяной

Ищи-ищи, друг Леший...

Леший

Я искал!
Повсюду рыскал я, везде бывал.
Я ухитрился и туда забресьть,
Куда и горному козлу не влезть.
Расспрашивал и птиц я, и зверьков,
И соколов, и маленьких сурков;
Щеглят и коршунов, и даже змей, —
Но ничего не разузнал о ней.
На дровосеков ночью наскочил,
Из их костра полено утащил
И с головней пылающей в руках
До кузницы заброшенной в горах
Я добежал. Теперь она горит!
И дым во мраке жертвенный летит,
Огонь бушует; грохот, треск и чад,
Пылают балки, рушатся, трещат,
И твоему величью, человек,
Конец пришел! Конец пришел навек.

Водяной

Я знаю, знаю, все известно мне,
Меня ты зря тревожил в глубине.
Ведь я в колодце знаю все. Я знал,
Что потонувший колокол звучал!
Я знаю, брат, и более того —
Кто двигал мертвым языком его.

Эх, если бы ты видел, что у нас
Вчера на дне случилось в первый раз!
Утопленница мертвою рукой
Тот колокол искала под водой,
Нашла его, дотронулась — и вдруг
Издал он громкий, величавый звук.
Завыл как львица, к мастеру взывая,
Высоты властным зовом оглашая.
И женщину мне видеть довелось;
Волна густых распущенных волос
Лицо ее печальное скрывала,
Но стоило коснуться ей металла
Костлявой страшною рукой своей,
Как несся грозный звон вдвойне сильнеей.
Я стар уже, видал виды любые,
Но дыбом встали волосы седые!
Мы все бежали прочь. Когда бы сам
Ты видел то, что я увидел там,
О фее думать ты бы уж не смог.
Оставь ее. С цветочка на цветок
Пусть прыгает козявка на здоровье,
А я уже по горло сыт любовьюю.

Л е ш и й

А я так нет! О, черт! Я распален!
Всяк волен поступать, как хочет он.
Когда в руках держу живое тело,
Какое до утопленниц мне дело?

В о д я н о й

Кворакс! Брекекекекс! Хо-хо! Ха-ха!
Уж раз тебя куснула вдруг блоха,
Лови ее, но знай: за десять лет
Ты разыскать ее не сможешь, нет!
Она в меня влюбилась. Гадок ей
Ты с рожею козлиною своей.
Мне нужно вниз. Ты понял? Ну, прощай,
Свободен ты, своим путем ступай,
А Водяной теперь живет рабом
У молодой жены под башмаком.

Леший

Как верно то, что в небе звезд не счесть,
Что у меня рога и бедра есть,
Что птицам предназначено летать, —
Дитя людское будешь ты качать!
Покойной ночи! Хольдрио! Гей-гей!
Айда в кусты! Конец блохе твоей!
(*Весело подпрыгивая, исчезает.*)

Из хижины выходит Виттиха и снимает с окон ставни.

Виттиха

Пора вставать. Пахнуло свежим утром,
А сколько шуму ночью было тут!

Поет пегух.

Ну вот... кукареку! Ты для меня-то
Не надрывайся, прогоняльщик сна.
Мы знаем без тебя, что перед криком
Твоим бывает. Снесено наседкой
Яичко золотое — значит, скоро
Оно блеснет с небес, и свет придет.
Что ж не поешь ты песню, крошка зяблик?
Пой, пой — тогда и вправду день настанет.
Блуждающего огонька тут нет ли?
Хочу кругом немного оглядеться,
Да позабыла свой карбункул взять.
(*Шарит по карманам и вытаскивает светящийся
красный камень.*)

Ах, вот он...

Голос Генриха

Раутенделейн!

Виттиха

Ну да!
Вот так и прибежит. Кричи погромче!

Генрих

Я здесь! Ты слышишь, Раутенделейн?

В и т т и х а

Трудненько ей услышать-то, трудненько!

Г е н р и х

(преследуемый, появляется на скале над хижиной; он бледен и оборван. В правой руке он держит камень, готовясь швырнуть его вниз)

Попробуйте, осмейтесь! Кто б там ни был,
Цирюльник, пастор, лавочник, учитель!
Любой, кто шаг сюда посмеет сделать,
Вниз, в пропасть, полетит, как куль с песком.
Жену мою столкнули в воду вы,
Вы, а не я, бродяги, гнусный сброд,
Поганые глупцы и негодяи!
Чтоб возвратить себе пропавший грош,
Вы «отче наш» по месяцам визжите,
А где словчить удастся, вы готовы
Разменивать господнюю любовь
На целые червонцы! Лицемеры!
Плотину из камней воздвигли вы
И ею навсегда отгородили
Бесплодный ад сухой долины вашей
От моря божьего, от райских вод.
О, где же тот, кто в прах ее разрушит?
Увы, не я им буду... Нет, не я!

(Бросает камень и пытается взобраться выше.)

В и т т и х а

Куда? Там не пройдешь! Не торопись!

Г е н р и х

Что это наверху горит, старуха?

В и т т и х а

Откуда знать мне? Был тут человек,
Он что-то строил — храм или дворец,
Да все забросил, — вот он и горит.

Генрих в отчаянии пытается взобраться выше.

Ведь говорю я — там стена крутая;
Чтоб на нее подняться — нѹжны крылья,
Твои же крылья сломаны навек.

Г е н р и х

Пусть сломаны, — наверх взойти я должен.
Горит мое творение! Мое!
Я тот, кто это здание построил,
Всего себя вложил в него, всю душу...
Я не могу... я больше не могу...

Пауза.

В и т т и х а

Передохни-ка здесь. Темно идти...
Сядь на скамью.

Г е н р и х

Передохнуть? Да если
Постель ты мне пуховую предложишь,
Меня она не больше привлечет,
Чем груда черепков. И если б мать
Покойница теперь запечатлела
На лбу моем холодном поцелуй, —
Принес бы мне не больше он отрады,
Чем жала ос.

В и т т и х а

Пожалуй, что и так!
Постой немного. В погребке найдется
Глоток вина.

Г е н р и х

Нельзя мне ждать. Воды!
(Спешит к колодцу и садится на край.)

В и т т и х а

Ну что же, зачерпни воды и выпей.

Генрих черпает и пьет, сидя на краю колодца. Тихий нежный голос
жалобно поет из колодца,

Г о л о с

Генрих, возлюбленный мой, отойди,
Над колодцем моим не сиди!
Встань же, ступай!
Мне так больно, прощай!
Прощай!

Г е н р и х

Старуха, что тут было? Говори!
Кто звал меня сейчас с такою скорбью?
Как вздох, из глубины я слышал: «Генрих!» --
И еле внятное: «Прощай, прощай».
Старуха, кто ты? Где я нахожусь?
Мне кажется, я будто просыпаюсь...
Скала и хижина, и ты, и все здесь
Знакомо мне и вместе с тем так чуждо.
Так неужели все, что пережил я,
Не более чем вздох, чем звук пустой,
Которого как будто не бывало?
Старуха, кто ты?

В и т т и х а

Я?! А сам ты кто?

Г е н р и х

Кто я? Да, кто же я такой, старуха?
Как часто сам я небо вопрошал,
Кто я такой, — но не было ответа.
Одно лишь несомненно — кто б я ни был,
Зверь, полубог, герой или ничто, —
Я солнцем порожден — и им покинут.
Беспомощный и жалкий, я тоскую
О солнце, об отце моем — оно
Ко мне простерло руки золотые,
Но не достать меня ему никак.
Что ты такое делаешь, старуха?

В и т т и х а

Придет пора, поймешь.

Генрих

Ну, хорошо!
Кроваво-красной лампочкой своей
Мне посвети и покажи дорогу.
Там, наверху, где прежде я царил,
Я буду жить отшельником, который
Не властвует уж больше и не служит.

Виттиха

Не верю. Ты другое ищешь там.

Генрих

Почем ты знаешь?

Виттиха

Мало ли я знаю?
Ведь ты людьми затравлен, да? Еще бы!
Коль надо светлую испортить жизнь,
Запакостить ее, тут люди — волки,
А вот насчет того, чтоб встретить смерть, —
Они — овечье стадо пред волками.
Чуть волк наскочит, пастухи-герои
Начнут орать да цыкать на собак:
«Ату его, ату», но не затем,
Чтобы прогнать грабителя, а только
Чтоб пасть ему овечкою заткнуть.
А разве ты-то лучше всех других?
Жизнь светлую прогнал ты от себя,
А встретить смерть — силенок не хватает.

Генрих

Ах, старая, я сам не понимаю,
Как мог я светлую отвергнуть жизнь,
Как мог я, мастер, — а ведь я им был, —
Бежать как школьник, как мальчишка трус
От собственного моего творенья
И колоколу, созданному мной,
И голосу, что я в него вложил,
Так слепо и безвольно подчиниться!
Но, правда, вопль такой могучей силы,
Из бронзовой груди его раздался,

Будя в вершинах гор такое эхо,
Что гул громовый, оглушив меня,
Сковал мне волю. Но ведь я же мастер,
И той рукой, что отлила его,
Я должен был его в куски разбить,
Не дав ему поработить себя!

В и т т и х а

Ну, что прошло, того уж не вернешь.
Тебе к высотам больше не подняться.
Ты был побег могучий и прямой,
Но, сильный, — ты бессильным оказался,
Ты званым был, но избранным не стал.
Пооди сюда и сядь.

Г е н р и х

Прощай, старуха!

В и т т и х а

Пооди же, говорю. То, что ты ищешь,
Теперь уж превратилось в груды пепла.
Кто жив, тот ищет жизни. А ее
Ты больше не найдешь там никогда.

Г е н р и х

Так дай мне умереть.

В и т т и х а

Да, ты умрешь.
Когда взлетаешь к солнцу так, как ты,
И падаешь — нельзя не расшибиться.

Г е н р и х

Я чувствую, мой путь пришел к концу.
Пусть будет так.

В и т т и х а

Да, близок твой конец.

Г е н р и х

Ну так скажи мне — ты ведь много знаешь
И говоришь так странно, — суждено

Увидеть перед смертью мне хоть раз
То, что искал я, в кровь изранив ноги?
Молчишь ты? Значит, перейти я должен
Из темной ночи в беспросветный мрак,
Так проблеска утраченного света
И не узрев? Ужели никогда
Мне видеть и ее не суждено...

В и т т и х а

Кого ты хочешь увидеть?

Г е н р и х

Ее!

Кого ж еще? Ужели ты не знаешь?

В и т т и х а

Одно желание тебе осталось,
Задумай же — последнее оно!

Г е н р и х

(быстро)

Задумал!

В и т т и х а

Ты ее увидишь!

Г е н р и х

Мать!

Ужель тебе дано и это сделать?
Но почему я так назвал тебя?
Не знаю сам. Однажды, как теперь,
Я ожидал конца, и в нетерпенье
Мой каждый вздох казался мне последним.
Но тут ко мне пришла она — и сразу
Здоровье, как весенний ветерок,
Мое больное тело охватило,
И исцелился я. Вот и теперь
Мне стало так легко, так хорошо,
Как будто ввысь могу взлететь я снова...

В и т т и х а

Все кончено. Безмерно тяжело бремя,
Которое к земле тебя гнетет,

И слишком сильны мертвецы твои.
Смотри! Три кубка ставлю я на стол:
В один вливаю белое вино,
В другой — вливаю красное, а в третий,
Последний кубок — желтое я лью.
Ты выпьешь первый — мощь твоя вернется,
Второй — и снизойдет к тебе опять
Твой светлый дух, покинувший тебя.
Но тот, кто выпил оба эти кубка,
Тот должен и последний осушить.

*(Направляется к хижине, останавливается и говорит
многозначительно.)*

Да, я сказала: «Должен!» Понял ты?
(Уходит.)

Генрих

(вскочивший сначала в экстазе, услышав слова старухи: «Все кончено», бледнеет и отступает назад. Стряхнув оцепенение, опускается на скамью и сидит, облокотившись на нее)

«Все кончено», — сказала мне она.
Ты все узнало, сердце, наконец!
На что же ты надеешься еще?
О вещая! Своим единым словом
Ты жизни нить оборвала. Свершилось!
Дана отсрочка лишь — она нужна мне...
От бездны вест холодом; тот день,
Что рассветает там сияньем первым,
Позолотив края тяжелых туч, —
Встает уже не для меня. Я прожил
Так много дней — и это первый день
Не для меня.

(Берет первый кубок.)

Приди ко мне, мой кубок,
Скорей, до наступления рассвета!
Лишь капелька на дне твоём горит...
Иль больше у старухи нет вина?
Да будет так!

(Пьет.)

Теперь второй! Приди!
(Берет второй кубок.)

Я выпил первый лишь из-за тебя.
Когда б не ты, с твоим благоуханьем
И хмелем опьяняющим, — тот пир,
К которому нас бог призвал на землю.
Казался б очень скудным и едва ли
Тебя достойным, наш высокий гость.
Благодарю тебя.

(Пьет.)

Напиток дивный!

В то время как он пьет, в воздухе проносится дуновение Эоловой арфы. Раутенделейн, утомленная и строгая, поднимается из колодца, садится на край его и расчесывает свои длинные распущенные волосы. Светит луна. Раутенделейн бледна и тихо поет про себя.

Раутенделейн

(тихим голосом)

Ночью глубокой со дна я всплываю,
Гребень свой в золото кос погружаю,
Красавица Раутенделейн!
Птицы умолкли, туманы легли,
Чей-то костер догорает вдали...

Водяной

(невидимый, из колодца)

Раутенделейн!

Раутенделейн

Иду.

Водяной

Скорей!

Раутенделейн

Ах, как мне больно, как тяжело,
Давит одежда моя,
Русалка несчастная я.

Водяной

Раутенделейн!

Раутенделейн

Иду.

Водяной

Скорей!

Раутенделейн

Золото кос я чешу при луне,
Прежний мой друг вспоминается мне.
Звенят колокольчики в поле,
О чем же? О счастье иль боли
Звенят они в поле ночном?
О том и другом!
Вниз! Вниз! Пробил мой час!
В воду на дно
Пора мне давно!
Вниз! Вниз!

(Готова спуститься в колодец.)

Кто это звал меня так тихо?

Генрих

Я.

Приблизься и узнаешь ты меня!

Раутенделейн

Нет, не могу. Уйди. Тебя не знаю!
С кем говорю, того я убиваю.

Генрих

Постой! Коснись руки моей сначала,
Узнай меня!

Раутенделейн

Нет, я тебя не знала.

Генрих

Не знала?

Раутенделейн

Нет.

Генрих

Не видела меня?

Раутенделейн

Нет.

Генрих

Коль я лгу, пусть не увижу дня!
Не целовал тебя я в губы?

Раутенделейн

Нет.

Генрих

И ласк ты не дарила мне в ответ?

Водяной

(из колодца)

Эй, Раутенделейн!

Раутенделейн

Иду.

Водяной

Домой!

Генрих

Кто звал тебя?

Раутенделейн

Супруг мой, Водяной.

Генрих

Страдающий стою я пред тобою,
Затравленный, истерзанный борьбою,
Не мучь заблудшего. Освободи!

Раутенделейн

Освободить? Но как?

Генрих

О, подойди!

Раутенделейн
Нельзя.

Генрих
Нельзя?

Раутенделейн
Нет.

Генрих
Почему?

Раутенделейн

Мы пляшем

Внизу в веселом хороводе нашем.
Хоть ноги и горят, но все пройдет,
Чуть я вступлю в веселый хоровод.
Прощай, прощай!

Генрих
Где ты? Не уходи!

Раутенделейн
(исчезая за краем колодца)
В бессмертных далях...

Генрих
Кубок там... Гляди.
Ты, Магда... как бледна ты!.. Дай его!
От всей души благословлю того,
Кто кубок даст мне.

Раутенделейн
(совсем близко от него)
Я.

Генрих
Как? Ты даешь?

Раутенделейн
Да, я. Возьми! И мертвых не тревожь.

Генрих

Небесный дух — тебя увидел я!

Раутенделейн

(отступая)

Прощай, прощай! Я больше не твоя.
Была твоей когда-то... в мае, мае,—
Но все прошло.

Генрих

Прошло?

Раутенделейн

• Прошло, я знаю...

Кем в час ночной ты убаюкан был?
Волшебной песней кто тебя будил?

Генрих

Кто, как не ты?

Раутенделейн

Кто я?

Генрих

Раутенделейн!

Раутенделейн

Кто подарил тебе свою весну?
Кто сброшен был тобою в глубину?

Генрих

Кто, как не ты?

Раутенделейн

Кто я?

Генрих

Раутенделейн!

Раутенделейн

Прощай, прощай.

Генрих

Сейчас наступит ночь,
Все от нее бежит в испуге прочь.
Сведи меня тихонько вниз с собой!

Раутенделейн

(бросается к нему и с восторгом обнимает его колени)
Восходит солнце!

Генрих

Солнце?

Раутенделейн

(наполовину рыдая, наполовину лгуя)
Генрих мой!

Генрих

Благодарю.

Раутенделейн

(обнимает Генриха, целует его в губы, потом медленно опускает умирающего)
О Генрих!

Генрих

Высь видна...
Звон солнца слышу! Солнце!.. Ночь длинна!
Утренняя заря.

Занавес